

Татьяна Борисовна Булах-Извекова

ВОСПОМИНАНИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

КНИГА 4

ЭПИЛОГ

Санкт-Петербург
2010

УДК 882.1

ББК 84(2Рос=Рус)6–5

Т.Б. Булах–Извекова. Воспоминания моей жизни. Книга четвертая. Эпилог.– СПб., НПО «Стратегия будущего», 2010 120 с.

ISBN 978–5–903247–28–1

Четвёртая книга воспоминаний Татьяны Борисовны Булах является послесловием предыдущих книг и посвящена в основном памяти мужа – Бориса Михайловича Булаха.

ISBN 978–5–903247–28–1

© Т.Б. Буллах-Извекова, 2010
© А.Б. Булах – художественное оформление., 2010

Дорогому моему мужу
Борису Михайловичу Булаху
посвящаю...

****Глава 1**

Вот и прошел мой 80-летний юбилей – 4-е мая 2009 года.

И совсем он не похож был на «репертичку поминок», как я боялась. Получился очень весёлый праздник, и не только по моему мнению, а по многочисленным отзывам приглашенных.

«Действо» происходило в кафе «дома Учёных», в парке Политехнического института и, что немаловажно было для приглашённых, вблизи метро. Так что все – а их было около 40 человек – остались довольны.

И я была «на уровне»: в красивом модном платье тёмно-серого цвета и с аметистом на шее!

Была вся моя многочисленная петербургская родня и, конечно, мои дорогие друзья.

Ритуал юбилейного банкета был несколько изменён. Мне не пришлось рассказывать гостям о себе, как это полагается на юбилеях. Всем присутствующим давно были известны все подробности моей жизни из моих же книг («Преодоление» и «Возвращение»), поэтому я просто старалась всех перезнакомить друг с другом, между поздравительными тостами рассказывая не о себе, а о них. Это было гораздо интереснее, чем слушать нудную речь юбиляра.

Со своей кафедры я пригласила только двух друзей: Андрея Львовича Сазонова и Галину Пантелеевну Мещерякову (для меня просто Галю, хотя она тоже профессор, как и А.Л.Сазонов).

Я с большим удовольствием пригласила бы и всю кафедру, но получилось наоборот: кафедра пригласила меня в конце учебного года, как всегда, традиционно отмечаемого, и «закатила» в мою честь аналогичный банкет – с подарком, цветами, поздравлениями и адресом, хотя уже 13 лет, как я не работаю на кафедре.

**УВАЖАЕМАЯ
ПЛАТЬЯНА БОРИСОВНА!**

*Мы, коллектив кафедры математики, сердечно
поздравляем Вас с юбилеем!*

Часть коллектива кафедры

МЫ ВАС ПОМНИМ И ЛЮБИМ!

Возвращаясь к ресторанному банкету, скажу, что была масса подарков и цветов, но, главное, в снятом нами банкетном зале были организованы танцы и мой племянник, Витя Костарёв, «семи сажен» росту, пригласил меня на вальс. Не скрою, это был самый дорогой для меня подарок! На время праздника боль ноги утихла, и я, как в далёкой молодости, с высоким, ладным кавалером танцевала свой любимый танец, как говорится, «от души»!

Роль тамады я попросила взять на себя А.Л.Сазонова и он, как всегда, остроумно её сыграл. Стихи, оды, поздравления – все пересказать невозможно, но кое-что я обязательно воспроизведу.

*Наталья Всеволодовна и Анна Всеволодовна Успенские:
Дорогой Танюше в день её славного юбилея
4 мая 2009 года*

*Чтоб описать твои блестяще прожитые годы
Решили мы воспользоваться одой!*

*Итак: О, ты, которая всегда,
И не взирая на года,
Живёшь среди заботы и труда,
Проворно мечешься туда, сюда....*

*О ты, которую родные и друзья так обожают,
А дети, внуки, правнуки и чтят и уважают...
Которую во многих странах знают,*

*И посетить пенаты их частенько приглашают.
О ты, чьи мемуары все взахлёб читают
И получить их продолжение мечтают...*

*Да будут дни твои благословенны!
Да будет твой здоровый дух и жажда жизни неизменны!
Да будут помыслы твои высокие нетленны!...*

*Пожалуй, закругляться нам пора...
Давайте, прокричим трёхкратное УРА!!!*

*

*Стихи Иры Иванчук,
дочери моих друзей студенческих лет
Мары Борисовой и ТПоли Иванчука :*

*Итак, она звалась Татьяна
С красою пламенных очей,
Огнём души, скульптурой стана
Ваш облик в памяти моей.*

*Общение с Вами - годы долги,
Воспоминаний светлых дни
Звучат с берегов великой Волги,
Где часто слышались они.*

*О геофизической работе,
О жизни много лет подряд
И о студенческой заботе -
Поездке с группой в Ленинград.*

*Звезда компаний молодёжных,
Не унывала никогда,
О приключениях дорожных
Отец рассказывал всегда.*

*Что много Вами пережито,
Что часто было не до сна -
Всегда светла, всегда открыта,
Как радость, песня и весна!*

*Энтузиазм пускаться в туры,
Надежд стремительный полёт.
Ваш мудрый вклад в литературу
Достоинно оценил народ.*

*Всегда Вы в элегантном платье,
И сохраняя яркий цвет,
Желаю, чтоб полёты к Кате
Продлились много-много лет!*

*

Очень интересным и весёлым оказалось поздравление Андрея Львовича Сазонова. Перед тем как его зачитывать, он попросил всех после его маленькой паузы хором склонять имя «Таня».

*Читаю красочный буклет,
Валяюсь на диване,
Вдруг приглашают на банкет,
Да, к Булах... Тане!*

Себя в порядок привести -
Воды нет в кране!
Нельзя же грязному идти
Мне к Булах... Пане!

Но быстро всё переиграл,
Помылся в бане,
Теперь готов идти на бал
Я к Булах... Пане!

Идти на рынок я готов
Купить герани.
Нельзя ж явиться без цветов
Мне к Булах... Пане!

Букет купил - беру такси
(Не брать же сани!),
Чтобы цветы мне привезти
Ах, к Булах... Пане!

На конституции клянусь,
Иль Библии, или Коране,
Нет лучше, доказать берусь,
Чем Булах... Паня!

Где б ни был, тут я не шучу,
Иль в Риме, или в Шегеране,
Поздравить тут же прилечу
Я Булах... Паню!

Чтобы поздравить с этим днём
Со всеми вами,
«Осанну!» дружно мы поём,
Прекрасной ... Шане!

*

Капеланы Н.А. и И.С. :

Начало жизни Шани было бурным.
Непросто было брод искать в огне...
Но воспитали всё же недурно
В профессорско-вредительской семье.

ЧСИР – член семьи врагов народа,
Хоть и ребёнок, но такой же враг...
Им в эти крайне непростые годы
Путёвку в жизнь выписывал ГУЛАГ.

Отсюда тяга к переменам мест:
Камчатка, и Байкал, и всё такое....
И к путешествиям извечный интерес,
Но путешествовать хотелось без конвоя.

Семейной жизни чудная пора,
Семейной жизни чудные моменты,
Опять в семье одни профессора,
Опять в семье одни интеллигенты.

Свой человек она в азарта храме,
Но тайну карт не спустит в Интернет,
Короче, Германь, вниманье этой даме:
Она имеет карточный секрет!

Мы пролистали юбилярши вехи,
Давайте выпьем за неё до дна!
Проста отгадка её жизненных успехов:
Порядочна со всеми и умна,
И правилу «ходи с бубей» верна!

*

Частушки Людмилы Ивановны Бирюковой
(соседки по даче)

Нет такого океана,
Где б не плавала Татьяна.
Да и стран осталось мало,
Где она не побывала.

Скромно наше Колосково,
Не похоже на Париж,
Чем её сюда заманишь ?
Чем Татьяну удивишь ?

Всё же есть одна приманка,
На неё клюёт Татьянка :
Как медведь, в малину влезть
Сладкой ягоды поесть.

*Ну, а если год грибной,
Так совсем тут край родной !*

*В нашем озере вода
Продлевает всем года,
Так что нынешняя дата
Для Татьяны – ерунда.*

*До ста лет рукой подать !
Ещё в космос бы слетать –
И тогда угомониться,
Сесть праправнуков качать.*

*

Ну и я в ответ преподнесла каждому свой подарок, может быть, в этот раз не очень качественный: уж очень я спешила к своему празднику написать и издать третью книгу с названием «Продолжение».

За спешку пришлось выслушать некоторую критику в свой адрес, но уж очень хотелось раздать всем книгу тут же на банкете – дорого яичко к Христову дню.

В общем, для меня это был счастливый день. И даже мой сын Андрей, появившийся позднее после длинного рабочего дня, сменил чёрную рубашку на рубашку цвета бордо (правда, всего на один день).

Моя дочь Катенька между своими работами в Америке и Франции сумела на несколько дней прилететь в Петербург, чем очень украсила мой праздник. Приехала специально моя закадычная московская подруга Нина Беляева, словом, дай Бог каждому отметить свой юбилей так, как это удалось мне.

**** Глава 2.**

Через неделю, в качестве подарка самой себе, я уже вылетела в Германию, в Мюнхен. Я, конечно, побывала и на родине Моцарта в Зальцбурге, и в альпийском дворце Людвига Баварского, и в его замечательном замке Нойшванштайн возле озера, вдохновившего П.И. Чайковского написание знаменитого балета «Лебединое Озеро». Я осмотрела три картинных галереи Мюнхена и сам город, а затем поехала в город Ульм, в котором я всегда мечтала побывать.

Ульм расположен в трёх часах езды от Мюнхена на электричке. Город средневековый (кстати, он является родиной Альберта Эйнштейна). В Ульме самый высокий собор в Европе, я не смогла его даже сфотографировать: невозможно отойти настолько, чтобы взять его в кадр. Но главным для меня в этом городе было то, что именно в нём начался роман моих родителей в 1927-28 годах, когда они оба были в Германии в научной командировке. Город красив, стоит на Дунае. Нечаянно я наткнулась там на дом астронома Кеплера.

Сейчас я в Америке (в 10-й раз!), где живу почти ежегодно по месяцу у дочери и зятя на всём готовом, без домашних забот и хлопот, с массой свободного времени. В этот раз хочу использовать время своего пребывания для написания 4-й – и последней – книги (кстати, все три предыдущие были написаны тоже в Америке).

Как и в предыдущих книгах, я опять хочу поместить здесь рисунки своего сына А.Б. Булаха. Они совсем не привязаны к тексту, но я увидела в них своеобразный аллегорический мир ощущений, чувств и понятий.

Это моё личное восприятие, с которым можно поспорить. Во всяком случае, они интересны и заслуживают внимания. Например, в первой моей книге «Преодоление»:

1) Утки, плещущиеся на фоне Троицкого собора. Разве такое может быть? Конечно, условность, но я картину воспринимаю, как состояние беззаботности...

2) Решётка Михайловского парка: чувство тревоги, смятения...

3) Кошки на крыше при луне: мечтания, фантазии...

Разве кошки не могут мечтать о том, что где-то в космосе есть животные, похожие на мышей и крыс? А может быть, и о любви мечтают подобно людям...

4) Жар-птица – это, по моему, «Террор» (зажгла половину земного шара, да там, где небоскрёбы...)

5) Грустный пингвин на фоне Петропавловки – прекрасная иллюстрация состояния одиночества.

6) Два аиста и обручальные кольца – конечно, «Любовь»!

7) Гимн джазу...

Во второй книге «Возвращение»:

1) Бегемот в Неве. Эта картинка связана с легендой о счастливой любви. Кто захочет ознакомиться с этой легендой, может её прочесть возле маленького бронзового бегемотика, снятого с берегового гранита во избежание варварства и перенесённого во дворик филологического факультета СПбГУ.

Я бы назвала – «Безмятежность»....

2) Город ночью – «Сны».

3) Японская тема.

4) Снегири на фоне церкви «Спас на крови».

Я бы назвала – «Хорошее настроение».

5) Арка - «Старая Голландия».

6) Название не придумала...

7) Дворик внутри Андреевского рынка на Васильевском острове.

8) Мойка – «Белая ночь».

В третьей книге «Продолжение»:

1) Знак зодиака «Петух». Можно назвать – «Стремительность».

2) Олени – «Семья».

3) «Нумизмат». Можно назвать и так: «Скарденность».

4) Павлин и пава. Лучше не придумать названия, как «Ссора супругов»!

5) Кошка по имени Юлька обобрала бедного скрипача!

6) Заяц у Эрмитажа – «Напрасные надежды».

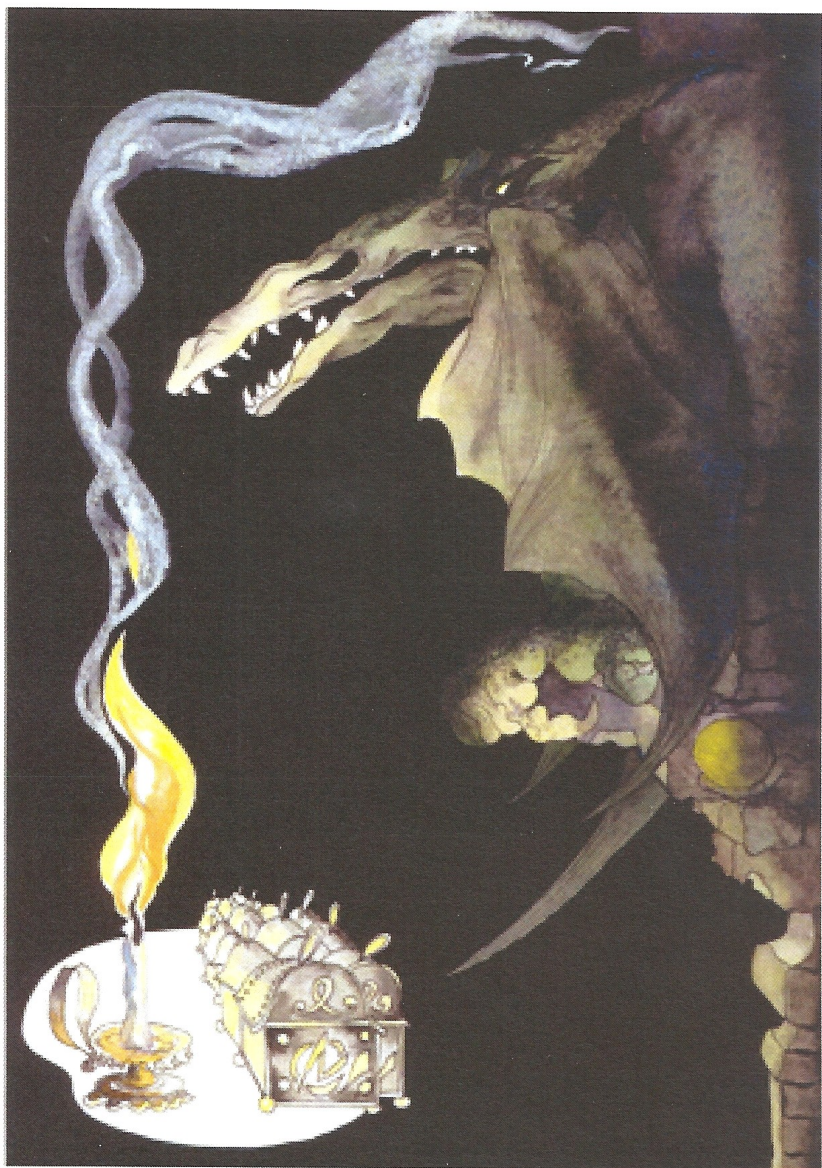
7) Плясунья – «Жизнерадостность».

8) Собака со свечой на пне – «Раздумье».

9) Знак зодиака «Крыса» - «Элегантность».

В этой четвёртой книге «Эпилог»:

1) Чёрный дракон, хранящий « сокровища мира».

2) Перед грозой.

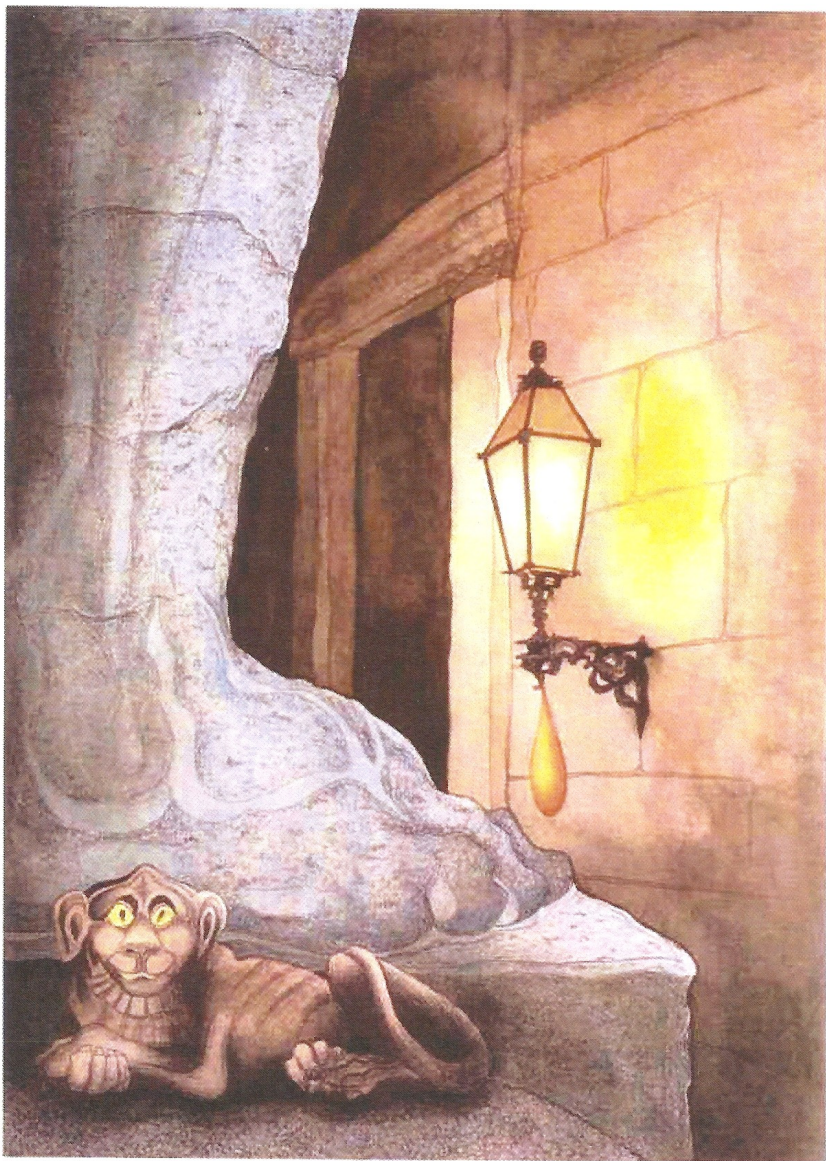
3) Ярость и гнев каменного льва, у которого вандалы оторвали крыло.

4) Знак Зодиака: Тигр, пожирающий Тельца (предыдущий Знак Зодиака).

5) Двойная охрана ценностей Эрмитажа...

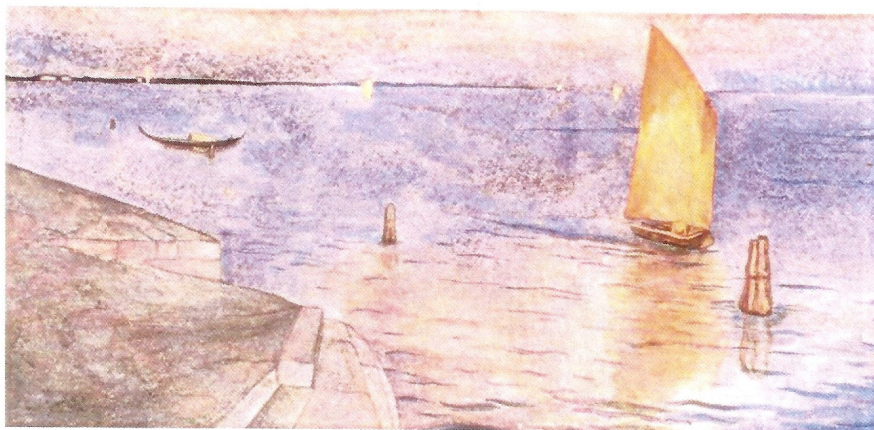
6) Петербург, что-то от Достоевского...

7) «Крик души моей!» – рисунок Андрея с открытки картины, конфискованной у моего отца во время его ареста в 1942-м году и находящейся в настоящее время в Нижегородской картинной галерее: Поленов В.Д. «Венеция».

«Крик души моей!» – потому что я в музее закричала, узнав папину картину.

Я об этом подробно писала в своей книге «Продолжение».

Это всё в качестве предложений, а вообще-то, каждый понимает по-своему, в этом-то вся прелесть искусства...

Визитная карточка моего сына

**** Глава 3.**

Четвёртую книгу, я хочу посвятить памяти моего мужа, отца моих детей, Бориса Михайловича Булаха.

Конечно, уже много о нём написано в предыдущих моих книгах («Преодоление», «Возвращение»), поэтому в этой книге я решила сама о нём почти не писать (не хочу быть пристрастной, а объективной вряд ли смогу быть), потому как для меня этот человек был самым близким и дорогим в жизни.

Мне хотелось собрать о нём кое-какие воспоминания людей близких ему, сокурсников, сотрудников, но это оказалось довольно трудно. Откликнулись пока сын Андрей и двоюродный брат мужа Григорий Иванович Булах.

Женскую половину нашей семьи идея эта не вдохновила, ну а остальных – тем более. Правда, Вера Баум, сокурсница Бориса по университету, будучи одной из лучших студенток курса, недавно по телефону из Москвы поведала мне о том, как из-за Бориса она получила единственную тройку за все пять лет учёбы в университете – по дифференциальной геометрии. Она не знала ответа на вопрос билета и послала записку Борису, а Борис (будущий аэродинамик!) не рассчитал нужной скорости полёта птички-шпартгалки, и та, не долетев до Верульки, оказалась на виду у экзаменатора. Верулька собралась уже уходить с экзамена, но экзаменатор, зная её как хорошую студентку, не захотел ставить двойку и заставил её отвечать. В результате у Верульки в дипломе среди пятёрок одна тройка. Дипломными отметками при приёме на работу, как правило, не интересуются, а вот случай запомнился.

Доцент кафедры математики и механики гидро-мет. Института Валерия Степановна Ермакова рассказала как они чуть не уснули на философском семинаре, в обязательном порядке проводимом завкафедрой после очередного заседания. «Хотите анекдот?» – предложил Борис Михайлович. «Конечно!» - воспрянули мы. Б.М.: «Какая разница между женщиной и Парижем?». Мы растерялись... «Ну ладно, все равно не отгадаете, скажу... «Париж всегда Париж!». Сразу до нас не дошло. Потом все весело рассмеялись и уже не дремали.

Бликие люди, хорошо знающие Бориса, считали его внутренне стеснительным человеком, может быть даже несколько застенчивым, не очень контактным человеком. Дочь его, Екатерина Борисовна Жулина, которая тоже стала известным учёным, считает, что ему было непросто контактировать с незнакомыми людьми. На основании личного опыта она понимает как трудно ему было после переезда из Саратова заново начинать научную жизнь в Ленинграде.

Учёному жизненно необходима его научная среда, а ему пришлось начинать свою работу в Ленинграде с преподавания математики на первых курсах в ЛЭИС. Конечно, каждому трудно осваиваться на новом месте, слов

нет, особенно Борису, привыкшему работать в тесном контакте со своим учителем и другом Савелием Владимировичем Фальковичем.

О причинах, объясняющих наш переезд из Саратова в Ленинград, безусловно болезненный и для Бориса и для С.В. Фальковича, подробно написано в книге «Возращение». Я даже не знаю, какая из двух причин для меня была важнее. А причины были такие: я все 23 года мечтала о возвращении в свой родной город, из которого была несправедливо изгнана, и вторая причина была в том, что мы не смогли в Саратове получить даже кооперативную квартиру, а в прежней жить уже не было никаких сил.

Возвращаясь к разговору о муже, скажу, что Борис был на редкость высокообразованным человеком, прекрасно знавшим историю и, будучи русским человеком по национальности, прочёл даже все тринадцать томов «Еврейской старины». Я хочу здесь вспомнить слова восхищения Бориса Лазаревича Борисова (отца моей подруги Мары), у которого он том за томом брал редкие книги: «Я впервые вижу человека, прочитавшего все тринадцать томов еврейской истории!»

А вот насчёт стеснительности или застенчивости я бы поспорила. Не могу не привести примеры, которые удалось вспомнить. На втором курсе Борис написал научную работу (сейчас не помню какую), но чтобы её отослать в издательство, нужна была подпись декана. Разговор с деканом А.И. Барабановым состоялся при мне в коридоре университета. Борис протягивает ему свою работу, декан берёт её и говорит: «Я должен её посмотреть». Борис: «От Вас требуется только её подписать». А.И. Барабанов потом говорит моей маме Ольге Александровне (она работала на этом же факультете): «Я часто вижу Вашу дочь со студентом Булахом, он безусловно хороший студент, но нахал!»

При защите Борисом кандидатской диссертации его оппонент – член-корреспондент Академии Наук Ф.И. Франкль – попросил уточнить одно место в диссертации, на что Борис ответил, что это и так ясно из того-то и того... Франкль взъярился: «Если мне не ясно, значит никому не ясно!»

А будучи уже профессором, заведующим кафедрой, когда Борису в третий раз предложили вступить в партию (а надо сказать, что интеллигенцию с большим скрипом принимали в то время в партию), он опять отказался. Мне он сказал, что он им ответил так: «Мои родители за меня оттрубили в партии».

Это вместо благодарности за оказанное доверие!

Ещё пример: на втором курсе механико-математического факультета общую физику нам читал профессор В.И. Калинин. Читал как-то нехотя и развязно (чего там для математиков стараться, не физики, и так сойдёт!). Бориса это страшно возмущало, и он демонстративно на виду у лектора стал играть в шахматы с соседом. Аудитория была в виде амфитеатра, и профессор это увидел и выгнал их с лекции. Они же специально стали доигрывать партию на подоконнике у двери, в которую должен был выходить

лектор после конца лекции, лишний раз демонстрируя, что лекция им совершенно не интересна.

Профессор В.И. Калинин хорошо Бориса запомнил и отомстил, поставив ему на экзамене четвёрку вместо пятёрки. Борис выразил своё несогласие с оценкой, сказав, что на вопрос в билете он ответил правильно (речь, насколько я помню, шла о «чёрном теле»), но экзаменатор остался непреклонен. Для Бориса был важен принцип, а не отметка, и он пошел к заведующему кафедрой оптики, попросив того проэкзаменовать его по всему курсу, что было сделано, и справедливость восторжествовала. Я в данном случае не считаю, что Борис повёл себя правильно, но человеком он был принципиальным и халтуры не терпел.

Так что приведённые мною примеры никак не вяжутся с такими понятиями, как «стеснительность» или «застенчивость». Да и его стихи не очень то ассоциируются с этими понятиями.

Кстати, о стихах Б.М. Булаха. Наверное, многих будут шокировать некоторые из них. Мне это понятно. Но мне понятно и то, что не напечатать их (и грубые, и лирические) - это значит выхлостить всю повесть, потому что именно они могут рассказать о нём больше, нежели многие очевидцы его жизни.

Я старалась неприличные слова заменять пунктирами, как делал это Пушкин, хотя «что можно Юпитеру, то нельзя быку».

Я не за «мат», но он меня выручил однажды (я уже об этом писала) в Нью-Йорке. Я опаздывала на самолёт в Россию. Добравшись до нужного терминала громадного аэропорта «Кеннеди» и имея не больше 10 минут в запасе до конца регистрации, я не знала куда бежать, чтобы разыскать финскую кампанию, отправляющую самолёт в Россию. И вот тут-то мимо меня пробежали два рослых парня, отчаянно матерясь, и с ними девушка. Не раздумывая, я побежала за ними и, во-время зарегистрировавшись, села в самолёт, оказавшись рядом с девушкой, сопровождающей этих матерившихся парней. Разговорившись с ней, я узнала, что эти парни - знаменитые спортсмены из России и, по её выражению, «другого языка кроме мата они не знают, а я их переводчица».

Тем не менее русский мат меня на этот раз спас. Во-первых, потому, что я не раздумывая бросилась за ними, поняв, что им тоже надо в Россию; во-вторых, что, может быть, именно из-за них был немного задержан самолёт.

Всё в мире относительно. Из литературы, конечно, мат надо выкинуть, а из русской жизни его не выкинешь, как ни старайся... Это всё равно как в поговорке «Из песни слова не выкинешь».

Пожалуй, надо упомянуть ещё о двух свойствах мужниного характера, таких как нетерпеливость и страстность. Если вдруг пришла идея в голову, надо сразу написать научную статью и обязательно сегодня же отослать её в соответствующий журнал. И всё это надо сделать до 6 часов вечера, так как почта закроется! Однажды за эту черту своего характера он был наказан.

Не проверив всё тщательным образом, он допустил ошибку в работе, что для него было впоследствии крайне неприятно. Хотя «в человеке всё должно быть прекрасно», тем не менее все мы совершаем ошибки, каждый – свои.

И второе – страстность его природы. Страстность во всём. Если научная идея озарила голову, то всё другое на свете не существует! Идея может быть осуществлена, но может постигнуть и разочарование...

Страсть к спорту: к футболу (будучи студентом, с увлечением играл в университетской команде), к хоккею и, конечно, роковая страсть к теннису. Роковая, потому как первый инфаркт он приобрёл в 47 лет на соревнованиях, ему обязательно надо было получить второй разряд по теннису.

А начал он играть уже после 45 лет, поздновато, да ещё с ревмокардитом, приобретённым в восемнадцатилетнем возрасте после скарлатины. Моя мама подарила ракетку Андрею, но ракетка несколько лет не была Андреем востребована, пока его отец не обратил на неё своё внимание. И тут-то началась настоящая страсть, даже наука отступила на второй план. Ещё до этой страсти, в 1973 году, он впервые сел за руль, купив «Жигули», которые использовались в основном во время отпуска, в поездках в лес за грибами и для загородных прогулок, которые он очень любил. По городу он не ездил, он обожал быструю езду, поэтому я, сидя рядом с ним, чувствовала себя как на вулкане. После его второго инфаркта, последовавшего через пять лет после первого, и мне пришлось сесть за руль.

Летом самым любимым его времяпрепровождением было житьё в лесу на берегу озера – в палатке под Игналиной в Литве, куда мы семь лет подряд ездили на своей машине недели на три. Там, на опушке леса, стояла наша палатка, его любимая раскладушка, там был повешен мой гамак, в котором он сфотографировал меня с моими словами: «Никогда не было лучше и никогда не будет лучше!». Слова оказались пророческими: это было последнее лето его жизни.

Всё это было описано мною в моей второй книге «Возвращение».

Словом, Борис был человеком азартным, нестандартным, безусловно талантливым, очень добрым и любящим, весёлым и жизнелюбивым.

Я счастлива тем, что половину своей жизни прожила рядом с ним.

**** Глава 4.**

Так вот я решилась, после больших сомнений, чтобы мой муж поведал о себе сам. Но это невозможно: он ушел из жизни 23 года тому назад. Разбирая его бумаги, я достала папку, на которой было написано: СТИХИ.

Я, конечно, знала и раньше, что он «балуетя стихами», но я это не поощряла: мне они казались сомнительного свойства, хотя и не лишены остроумия. Время было такое, что за подобные стихи можно было «сесть», ну и неприличностей там было предостаточно, а я – «пуганая ворона».

Но сейчас время на дворе другое, и может быть, в этих стихах он о себе поведает больше, чем я рассказала бы о нём, и читателям он станет ближе. .

Б.М. БУЛАХ

*Г.И. Баренблатту**

(на шестидесятилетие)

*Ведь каждый выглядит бы рад,
Как в шесть на десять Баренблатт.
Такое может лишь присниться,
Он в каждой колеснице – спица!*

*

* Г.И. Баренблатт – профессор, в настоящее время член нескольких американских и Европейской Академий естественных наук

Шутка для газодинамиков

Истопи ты мне баньку по-Чёрному,
Чёрный – парень ведь был неплохой.
Чтоб не ехать на стройку ударную
Он придумал «ударный» нам «слой»!*

*А потом он в кармане Седюгином
Долго молча и смиренно сидел,
Не нашлось никакого карманника,
Чтобы Чёрный свет белый узрел!
Но затем в академики всё же
Избран был и звездой засиял.
Был он негром Седюгиным чёрненьким,
А теперь сам плантатором стал.*

*

*Г. Чёрный – действительный член Академии Наук СССР.

«Седюгин», на самом деле Л.И. Седов – действительный член Академии Наук СССР.

О неконструктивном определении любви.
(Шутка для математиков)

*«Любовь не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне...»*

С. Щипачев

*Любовь не мыло и не спички,
Любовь не птичка и не мёд,
Любовь не тигр, не тётка Фёкла,
Любовь не пламень и не лёд.*

*Любовь – тех «не» пересечение,
Которых нам не перечесть.
Такое вот определение
Любви у Щипачёва есть.*

*

О,да!

*Декабристу В. Ривкинду**

*Марк Красс Кунктатор благородный
Давным-давно уже почил,
Но дух «Медлителя» свободный
В себе В.Ривкинд заточил.
Защиты шли, года летели
А мы кивали всё на мели...,*

*Но дух Петра и наводнения
Его подвинули в движенье,
Он в декабре набрался сил
И наконец-то защитил!
Ему хвалу теперь поём
И за успехи его пьём!*

*

* В.Я. Ривкинд – доктор физико-математических наук.
Марк Красс – победитель Спартака, прозванный «Кунктатором» за свою медлительность и осторожность в войне.

*Ольге Александровне Ладыженской**

*Она лишь чёрный кофе пьёт,
Она лишь белый дым глотает.
Но как её при этом всё
На математику хватает?!*

*

*О.А. Ладыженская – действительный член Российской Академии Наук.

САПИРА

«Англия – моя вторая родина»

(Евг. Евтушенко)

Листы осины дрожат от того,
что на ней повесился Иуда Искариот.
(Христианская легенда.)

Английский дуб с берёзой русской
Сумели Вы объединить,
Но как бы в этом лесопарке
Вам про осину не забыть.

*

Разнёсся слух, случилось диво:
«Трёх поросят» родил сам Михалков.
Хотя, бесспорно, он свинья большая,
Но не найдёт среди нас он дураков...

*

Новогодние поздравления

Георгию Васильевичу Самсонову, профессору химии,
работающему в Институте высоко-молекулярных со-
единений (ИВС)

Желаем вставить Вам в машину ещё один (второй) мотор
И выстроить вокруг Вашей дачи ещё один большой забор.
Желаем быть Вам «на коне», жену свою любить вдвойне.

*Самолечение осуждаем, но исключенье есть одно:
Лекарства сам изобретает Самсонов (ох, уж как давно).*

*Ему, однако, мы желаем лекарств поменьше принимать
и сладко, сладко, сладко спать....*

*Еще желаем мы от сердца
Приобрести корреспондентство.*

*

Антонине Сергеевне Чубаровой, профессору, зав. кафедрой кожно-венерических болезней Института усовершенствовани врачей (ИУВ)

*Талант, Венерой осенённый, мы погасить не разрешим,
А если надо, в пациенты с толпой друзей мы поспешим.
Желаем деятельной быть и всех лечить, лечить, лечить!*

*

*Лидии Ивановне Ляпиной **

*Очаровательна, нежна,
Так непосредственна, мила...
Такой желаем Вам остаться,
Но бридж освоить постараться!*

*

* Лидия Ивановна и Евгений Сергеевич Ляпин - профессор Педагогического Университета - наши первые и самые близкие друзья в Петербурге с момента нашего переезда в Ленинград в 1964 году

Борису Михайловичу Булаху
(после инфаркта, самому себе)

Желаем снова сильным стать, мячи по-прежнему гонять!

*

Патьяне Борисовне Булах

Желаем с Софьей Ковалевской сравниться только лишь в одном:
Играть до одури в картишки и не тягаться в остальном!

*

«Шутка»

Один поэт как-то сказал,
Поверьте, я не лгу,
Что чем он больше отдаёт,
Тем больше он в долгу.
А у меня наоборот,
Понять вот не могу:
Чем больше денег в долг беру,
Тем больше я в долгу.

*

САТИРА И ЮМОР

Жалоба к инстанциям

*Что Австр, Нот и что Борей!
Наш местный ветер, как брадобрей,
Напильником дерёт по коже.
Хоть снова шубу надевай,
На что это похоже?!
Куда глядят в ЛГМИ*,
И в ГГО** заснули...
Опять с прогнозами на май
Нас здорово надули.
«Сначала будет потеплей,
Затем слегка похолодает»...
В трусах бы их пустить гулять!
(Если местком не возражает)*

*

* ЛГМИ – Ленинградский гидрометеорологический институт.

** ГГО – Главная геофизическая обсерватория.

Сетования председателя Спорткомитета.

Вот Карпов - Да!
А Гантверг* - Прус!
Как матч спустил, Еврей, паскуда!
Ему бы рёбра посчитать,
Ну, и с зарплаты снять покуда.

Ведь знает, гад, что бой идёт:
Кто дальше, выше, больше...
А то получится вот так
Как нынче получилось в Польше!

Ну, что наверх я доложу?
Удар по ...
Мне скажут: «Пы, моржовый ...»
Занялся онанизмой.

Чтоб званье вскорости вернуть!
И провести дознание!»
Ну ладно, заболтался тут,
Бегу на партсобрание.

*

* Гантверг - чемпион мира по шашкам 1984–86 годов.

На матче «Зенит» - «Металлист», 21.11.84.

«Зенит»! «Зенит»! Как мяч, звенит
От криков комплекса гранит!
Сегодня именинник он!
«Зенит» сегодня - чемпион!

Рядили эдак и вот-так..
Быть может «Днепр» или «Спартак»?!
Но, оказалось всё не так,
Не страшен «Днепр»,
Отстал «Спартак»!

Вершину штурмом занял он -
«Зенит» - отныне чемпион!

*

ПАРОДИИ И ПАМФЛЕТЫ

Дай, Гоголь, мне свою носатость*,
Серафимович – волосатость**,
Дай, Маяковский, для острастки
Твои голосовые связки.

Дай, Пушкин, мне свою способность
Фригидных женщин зажигать***
И с ними сладко, сладко спать.
Дай, Евтушенко, череп бритый,
Язык твой псевдоядовитый.

*Рождественский, мне губы дай,
С которыми не жизнь, а рай.
А Шолохов - дары донские:
Свои таланты воровские****.*

*Дай, Ахмадулина...
И честь по-чести
Мы в ресторан поедем вместе.*

*Поэт в России больше не поэт.
«В ней суждено поэтами рождаться»
Лишь тем, в ком гибок становой хребет
И полностью утрачен дух гражданства.*

*

- * Большой нос - большой... (народная примета).
- ** Волосатый - счастливый (народная примета).
- *** «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» (Пушкин)
- **** В детстве воровал горох.

*«Но что ей до того,
Она была в Париже»
В.Высоцкий*

*Построили хотель у самой Невской Лавры,
Но что нам до того, не нам в хотеле жить,
И что нам до того, что будут иностранцы
Шам жрать икру и водку будут пить.*

*И что им до того, что мы на первой фазе,
И что им до того, что нечего нам есть,
И что им до того, что и при первом разе,
Коль рот открыл и встал, то скоро можешь «сесть».*

*И что нам до того, что эти иностранцы
Про мир и дружбу будут лопотать!
Какого черта с ними лобызаться,
Какого чёрта жопу им лизать!*

*

*Для чего павлину хвост?
Чтобы скрыть свой малый рост.
Б.М. Эзон*

*На занятиях полит. солнце яркое палит,
У телятницы Татьяна с вечера живот болит,
А сегодня спозаранку постучался замполит:
В обсуждении программы выступишь, ей говорит.*

*Что программу довольны, счастье дали для страны,
Ну а партии и власти благодарности полны.
А программу не читай ты, да и нету у меня,
И понятно без прочтения, как всегда одна херня.*

*Что, живот болит? Ну ладно, потерпи и не плошай,
Да смотри там, не кривися, счастье мордой выражай!*

*

Диалог на политзанятиях

ОЖ: ... С тех пор сияет над Россией
Его неугасимый свет.
Он тьму в сознаниях рассеял,
Народ от водки отучил,
Когорту верную посеял
И уважать их научил.

По их заветам и указам
Живём и дышим мы сейчас,
Навстречу планы выполняем
И бережём свой каждый час.

ОЖА: Живём мы, как на стадионе,
Все соревнуются, бегут...
Ну умер кто или родился,
Казалось бы, причём мы тут?

ОЖ: Ай, ай, негодные мыслишки.
На всё ответы у нас есть,
К тому же управляет нами
Эпохи нашей слава, честь!

ОЖА: Ну коли так, тогда конечно....
Супротив чести не попрёшь.

ОЖ: А коль не так, так очень скоро
Другие песни запоёшь!

*

Неотосланное письмо

Дорогой! Такое только присниться может,
Тупорили раньше: «поможет Бог»,
А ныне наше поможет.
Когда по стране продовольствия нету,
Отрадно читать про такое газету.

Конечно, программу мы выполним в срок,
Особо по части расхода,
А если получит который и срок,
Так это в натуре народа.

Деревне повесить бы нужно здесь знания,
Какие и сколько за то наказания.
И, если деревню теперь кто оставит,
С милицией снова его пусть доставят.

А мясо, конечно... — но если не будет,
Здоровья в народе лишь только прибудет.
В своих огородах мы будем копать
И некому будет теперь придратья.
А весь на базар отвезём урожай —
И жизнь у нас будет похожа на рай!

*

Народное горе безбрежное залило глаза и сердца,
Ведь нет уж товарища Брежнева, за мир и свободу борца!
Он знал всё и видел, наверное, эпохи он совесть и честь!

Ему благодарны народы, награда у него ведь не счесть.
Он дверь к коммунизму широкую народам слегка приоткрыл,
Но вот уж товарищ Андропов на место его заступил.
Он знамя упавшее поднял и снова его водрузил!
Вперёд по его указаниям пойдём не жалеючи сил!

*

Стихи о лжи

А грязную ложь обижают зазря,
Ведь чистая ложь - белоручка!
У грязной почует наживу ноздря –
И мать назовёт свою сучкой!

К тому же трудягам ложь грязная ближе,
А чистая сильному задницу лижет.
«Короткие ноги у лжи» – говорят
Лишь те, у которых ... не стоят*.

А те же, которые с ней переспали,
Давно получили награды, медали.
Ложь грязная будит воображение,
Победами сделает все поражения.
Возьмите ложь грязную на вооружение!

*

* – которые с нею не пьют и не спят.

*В генетике последних лет
Большие достижения!
Там мухи с генами, которым счёта нет,
Науке обеспечили движение.*

*Теперь, когда умрёт кой-кто,
Потчас, без промедления,
Ему что надо отсекут
Во избежанье тленья.*

*Потом в научном институте
Из этого получают гены
(Что это правда, как-то раз
«Под мухой» клялся мне приятель Гена).*

*Затем отдельным активидам,
Как топором в поленицу,
Засадят в ягодицы шприцы
С экстрактом до сих пор невиданным.*

*И до чего ж дошла наука!
Ведь был дурак, мерзавец, сука
А ныне в кресле он сидит
И важно всем руководит,
И свысока на всех глядит!*

*

«Политеизм»*

В обед Мамоне поклонившись
И к Бахусу склонившись ввечеру,
В уединённый храм Физиологии
Идут двуногие все поутру.
Чернильно-чёрная лепёшка
Оставлена здесь чьим-то задом,
А рядом белая бумажка сигналит:
«Наступать не надо!»

*

* – религия, признающая многобожие.

Вечер отдыха на турбазе «Саулесқалнс»

Спортсмены, вырвавшись на волю
И не почувствовав кнута,
Грудные клетки криком рвали,
Небес штурмуя ворота.

И утонувши в алкоголе,
Серее серого их стало вещество,
И растворилось в сквернословии
Их человеческое существо.

Как жаль, что этих мерзких тварей
Нельзя стрихнином угостить
Или «на благо человека»
Хотя б в виварий поместить!

*

Тяжело летать по космосу, где каждая тонна – грамм,
Где станет легче пушинки любой гиппнотам,
Где надо всё выдавливать – хоть воду, хоть мочу,
А о других неудобствах сейчас я помолчу.
Где время всё расписано и некогда даже поспать,
Где только под телеглазом можно слегка подремать.

.....
Но плата за всё это дело такая всё же высокая,
А чайки, лайки, соколы все летают около.

*

По заказу ДОСАВ, ГАИ и ВАЗ
(Автопоэма. Посвящается Ирине С.)

«Порабощённые конкистадорами индейцы не знали колеса...»
(Из истории завоевания Америки)

Часть 1

Мой дядя сам нечасто правил, владея новым «жигулём»,
Всё жуважать себя заставил, приняв спиртного за рулём.
Его пример - другим наука, но, боже мой, какая сукка
Все знаки строго исполнять и 60 не превышать!

Так думал молодой повеса, летя по прихоти Зевеса
Из Сочи прямо в Ленинград (он смерти дяди был не рад).
Кооперативная квартира, однако, здесь его манила
И через пару-тройку дней владеть законно стал он ей.

Признаюсь, дядина квартира имела низкий потолок,
Но друг невинных наслаждений благословить судьбу здесь мог:
В серванте – ром, шотландский виски, на стенах – голенькие «киски».
Библиотека детективов столь увлекательна была,
Что даже «соню» и невежду она могла свести с ума...

На «рай» набросился Евгений,
Но очень скоро, не пойму, уж всё накупило ему?
Девуц с Московского вокзала к себе уже не приглашал,
Лежал понуро на диване и детективов не читал.
И впрямь хандра его заела, не знал куда себя девать,
Но как-то раз мой милый Женя «Вечёрку» принялся читать.
И вдруг, о чудо, между строк он видит слово «автостоп».

Часть 2

А в доме том, и в том подъезде девица юная жила,
Её мамаша в гастрономе кассиршей, кажется, была.
Романов не читала Таня. Да кто читает их теперь?
Зато поесть она любила и «бокром проходила в дверь».

Ученьем, тяжкою наукой, себя не стала утруждать:
Не сдав экзамены в «торговый», спокойно стала есть и спать.
(У них на масленице русской водились жирные блины,
К блинам - икра, балык, соленья, в сметане сладки караси

И как их, эти – иваси).

*Но разом всё переменилось, пришла пора - она влюбилась,
В кого, Вы строите догадки, не угадать, та сфера Мари.
Любовью были – «жигули»!*

Часть 4 (Часть 3 отсутствует)

*Письмо мамаше предо мною, его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою и начитаться не могу:
«Панюша страшно похудела, её желанье одолело.
Не спит, всё чертит на стекле заветный вензель В.А.Зэ».*

Часть 5

(А дальше лень в стихах писать и лучше прозой излагать.)

*Шаня выиграла «жигули» по лотерейному билету
ДОСААФ, поехала на машине на юг, там встретила Евге-
ния, применившего автостоп. Они полюбили друг друга и по-
женились. Поселились в дядиной квартире. Евгений оказался
хорошим семьянином и много времени уделял уходу за маши-
ной. Мать купила им дачу. Они были счастливы.*

Эпилог

*Прими, читатель мой, поэму, колёса страстно полюби,
А если нет их, то скорее билеты у ДОСААФ купи!*

8 марта

Замученный, я кашляю стихами,
Цукатами их вымочив в сиропе,
Но, хоть несёт от баб французскими духами,
Мозгов у них – что в голове, что в жопе.

Стервозы страшные, капризны, словно «шмель»,
Что пламя выбросят, а то шипят бензинно,
Что широко свою откроют дверь,
Что перед дверью держат нас безвинно.
А с телефонами целуются врасос
Не оторвать қалёными клещами.
Но если говорить всерьёз,
Их разговоры отдают пустыми щами.

Подарки им, что валерьянка для котов,
К подаркам аппетит у них безмерный,
На том поклясться я готов,
И это знает каждый муж примерный.

А в гости ли пойти или к себе позвать –
Такое тут поднимется, что скверно...
И не однажды вспомнишь ты чужую мать
Или до тысячи считаешь нервно.

И всё же... драгоценный дар любви
Они в себе несут глубоко,
Из-за него готов я всё терпеть,
Мне жаль мужчин, проживших одиноко!

*

На следующий день после бала
(общее наше с мужем сорокалетие в 1969 году)

Давно мы с пышностью такой рожденья день не отмечали,
Лилось шампанское рекой и шутки милые звучали.

Салатов разных баррикады и тортов сладкие громады
На блюдах вольно разлеглись, когда к столу мы собрались.
А сбитых сливок наслажденье, мускат, воздушное печенье
И даже «Птичье молоко»...

Остановлюсь, перечисленье
Нас завело бы далеко!

Как в этом было только счастье,
Давно исчезло бы ненастье...
Веселье сгинуло как тень,
Рабочий наступает день...

*

Повесть о том, как избалованный Боря
хлебнул с неизбалованной Паней горя

Боря слышит ежечастно: «Избалован ты ужасно»,
Чем лениться и балдеть, лучше пыль с картин стереть.
Ну, ещё почисть картошки. Встань с кровати, ты не кошка.
Сбегай быстро в магазин, там купи морковь с картошкой,
Не забудь набрать бензин.

Гости завтра к нам придут, пылесось скорей квартиру!
Ну, а ты ещё всё тут? Сил моих с тобой нет боле!
Жизнь у вас с Андреем рай!
Ах, устала я ужасно, хоть ложись и помирай!
На работе я и дома разрываюсь, как могу,
А от вас я слышу только: «Ладно, завтра помогу».

Ну, подай скорей пальто мне, заведи скорей часы,
Убери немного дома и за ухом не чеши!
Не могу терпеть вас боле, жить одна совсем хочу...
Ну, а как на самом деле, лучше я сейчас смогу!

*

Чем больше воздуха, тем боле сдобь вкусна.
И быстро перейдя к пределу, еду из воздуха готовит мне жена:
Так лучше, мол, душе и телу!

*

Девушке, сошедшей с журнальной обложки

Вы во время сошли, избегнувши судьбы печальной:
Круженья новизны, касанья многих рук,
А, может быть, известности скандальной...
Теперь же всё не так, и если Бог поможет,
То человеческую жизнь удастся Вам прожить, быть может.

*

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

Восточный мотив.

Лишь шоры ревности слепой поводья гневу развязали,
Разрушен храм любви святой и в прах повержены скрижали!
Когда прозрение пришло, его глаза не высыхали,
Но, тщетно вновь он звал любовь словами, полными печали.

*

Ночевала дева молодая на груди у старого акына,
Утром рано в путь она умчалась, золотая позвала долина.
Но остался влажный след на ложе, на него глядит он улыбаясь...
Ведь на много лет он стал моложе с молодой девой забавляясь...

*

Огонь таится в шведских спичках, и как бы мне не погореть!
Сапфирами глаза сияют и по плечам струится медь.
А горделивая походка в моей душе струной звенит...
Порой небрежная улыбка счастливицу многое сулит!

*

Упала тьма на Заполярье. Как сон, исчез лазурный небосвод.
И только звезд холодное мерцание отражено на гранях стальных вод.
Так жизнь, пройдя весну и лето, из осени вступает в холода...
И уж не скажет милое созданье игриво «нет», что означает «да»!

*

Прелестный образ девы бледной всегда стоит передо мной,
Когда в полночный час я грежу, твоей пленённый красотой.
Когда я по лугам гуляю и полевые рву цветы,
Иль в облаках когда витаю, повсюду чудисься мне ты.

*

Провисло небо тучей мрачной, а дождь полил как из ведра.
Повеяло здесь скукой дачной, и живность сдуло со двора.
Но вот умчался вихрь могучий и прояснилось всё вокруг,
Затихло буйство вод текучих, и солнца снова виден круг.

*

Январь

Ярче солнышко на небе, чище небо синее
И скрипит снег под ногами у нас с Васелиною!

*

Февраль

Закружила злая вьюга (нет ни севера, ни юга),
Снег в сугробы собрала и дороги замела.

*

Дому творчества писателей в Комарово

Спасибо, Дом! В тиши твоих уединённых келий
Мы обрели покой среди заснеженных могучих елей!
Спасибо Дом! И творчество писателей для нас
Совсем бесшумным было, и отдохнули мы прекрасно,
И развлекались очень мило.

*

ГРУСТНЫЕ СТИХИ

Да, я чувствительный и нервный,
Меня тревожат ветры перемен,
Когда проходит вихрь атмосферный
Или грозит квартирный мне обмен.

*

Пессимизм

Люди, приятные до неприятности,
Говорят мне всякие мятности,
Уверяют, что жизнь хороша,
Хотя сердце в крови и душа.

Голову раздирают прописью,
Глаз царапают кобальта окисью
Синюю, до умиленья красивою,
Суетятся, пыль поднимая, не понимая,
Что один ты..... и точка. Больше ни строчки.

*

Оптимизм

Анаприлин, анаприлин! Она ко мне придёт.
Анаприлин, анаприлин! К груди своей прижмёт.
Анаприлин, анаприлин! С ней будем мы всегда,
Анаприлин, анаприлин! Как воздух и вода.

*

Уж 50 давно махнули ручкой, а 60 мелькнули вдалеке,
И 70 с потухшим взором встречают нас с клюшкой в руке.
Жизнь прожита... Ну, что ещё осталось?
И осень золотая позади...
Ложится на сердце свинцом усталость
И боль, стеснение в груди...

*

На смерть Высоцкого

Остановилось у поэта сердце,
Как конка на стоянке вечной...
Не выдержав безалкогольного режима
И жизни с ампулой вечной.
Как сель упал он на страну,
Смешавши возраста, чины и званья.
Даёшь, Володя! Да не одну!!!
И слушали его мы, затаив дыханье.
Потом ревел он изо всех окон,
Опутав километрами названий.
Живым себе он памятником был
Вкусивши славы небывалой и страданий.
Теперь умолк, и после селя
Осталось много шелухи, легенд и грязи.
В народной памяти останется навечно.
А в Пантеон он не войдёт,
Навряд ли там подвинутся князья и гранды...

*

Моей жене

*В это сине-зелёное море
Кто-то ночью добавил чернила.
И теперь это чёрное море
С дикой яростью гонит ветрило.
И от бешенства белой волною
Бьёт о берег, шумя бесконечно,
И останусь я, Таня, с тобою,
Как у берега море, навечно...*

*

Очень трудно в определённом порядке систематизировать его стихи. Это и эпиграммы, это и шутки, это и поздравления, это грубые и лирические стихи, это и грустные стихи. Он их писал только для себя. Никогда никому не читал, как и никогда при посторонних не пел, хотя обладал хорошим голосом и слухом.

Возвращаясь к его стихам, я прошу читателя обратить своё внимание на последнее четверостишие:

*НЕ ЗНАЯ ЯМБА И ХОРЕЯ,
ПОЮ Я ВРОДЕ СОЛОВЬЯ.
КОГДА ДУША МОЯ ПРЕРЕЩЕЛП,
ПОТДА И ЛЬЁПСА ПЕСНЬ МОЯ!*

Можно ставить под сомнение качество его стихов, но в чём нельзя отказать им, так это в искренности и остроумии.

Некоторые мысли, представлявшие для мужа особый интерес, выписанные им собственноручно:

«Благодарностью приходится отвечать на всякое собеседование с правителем, что бы тот ни сказал».

Щацит, Анналы (Летопись)

*

«Могучий темперамент в сочетании с пламенной верой в свою правоту рождает тиранов...»

И. Трекова, «Кафедра», Н. Мир, 1978 г., №9, стр.122

*

«Но наши времена так были заражены и загрязнены низостью и лестью, что не только высокие особы искали охраны для своей знаменитости в трусливом низкопоклонстве, но вообще все консуляры, или бывшие преторы, и толпы простых сенаторов торопились, соревнуясь друг с другом, подавать голос за низости, превышающие всякую меру».

Щацит, Анналы, 111, 65

*

«Эти проклятые деньги, деньги, деньги и всегда деньги, без них никогда ничего нельзя достигнуть»

Н.Н. Гончарова (Пушкина)

Начало лета 1835 г., Петербург

*

На любимом Карельском перешейке

**** Глава 5.**

Воспоминания Андрея Борисовича Булаха о своём отце (Калейдоскоп...)

Детство. Помню весьма смутно. Точнее будет не так. Отдельные, несвязанные между собой картинки, события, люди... Полное отсутствие хронологии. Наверное, первое, что я помню более или менее отчётливо, – это наш дом на Провиантской улице в городе Саратове, совсем недалеко от реки Волги. В моей детской памяти он вырастает огромным, необъятным миром, с множеством лестниц, пристроек, сараев; с вечно гудящим человеческим улеем.

Ясно помню коммунальную кухню – одну на 20 квартир, шипенье кастрюль, какие-то бесконечные разговоры, коты, путающиеся под ногами. Теснота, шум, но почти полное отсутствие каких-либо склок, скандалов. Как-то уживалась довольно мирно эта большая общность, в общем-то, абсолютно разных людей.

Наша семья стояла несколько особняком в этом мире. Я с детства помню разговоры, что у меня какой-то необыкновенный Отец, что сейчас он в Москве работает, но скоро увезёт нас отсюда к себе. Помню, что каждый

раз (а это было очень нечасто), когда приезжал Отец, он привозил с собой большие чемоданы, набитые белым хлебом и колбасой. Время было сложное, с продуктами тяжело, и приходилось всё это привозить из Москвы.

Мама устраивала праздник. Все сидели за столом и уплетали бутерброды с колбасой и запивали молоком. Этот вкус белого хлеба с маслом и колбасой я помню до сих пор. Помню огромную волнующуюся толпу народа у районной булочной, куда впервые за несколько месяцев привезли белый хлеб – даже не хлеб, а такие небольшие булочки из белой муки.

Если посмотреть детские фотографии, то Катина мордашка была чистой копией детской фотографии Отца и нашего деда, Булаха Михаила Дмитриевича. Наверное поэтому инстинктивно все были расположены к ней. Я явно пошёл в другую породу, хотя сегодня, когда различные люди нас ставят рядом, то они находят в нас много общих черт. Вообще-то бытует мнение, что для того, чтобы дети в семье росли дружно и помогали друг другу, хорошо бы, чтобы сын был похож на мать, дочь на Отца.

В Саратове я довольно часто навещался вместе с Отцом к его родителям, которые жили на другом конце города, и добираться туда нужно было на пригородной электричке. Окраины города представляли собой какие-то замусоренные песчаные степные барханы, на которых располагались дома жилых кварталов. Если уйти из дома и подняться на эти сопки, то дальше была видна голая безлюдная степь, изборозждённая многочисленными оврагами. Родители Отца жили вместе с семьёй его младшей сестры на втором этаже постройки старого типа. Огромные потолки, коридор, комнаты, кухня. Я часто играл у них в разные игры вместе с моим двоюродным братом Сашей, который был на год меня младше. В один из наших приездов к саратовской бабушке Отец купил в магазине «водяную ракету», и мы всей гурьбой отправились на ближайшие сопки её испытывать.

Сама ракета была длиной около 40-50 сантиметров и устанавливалась на пусковую установку, в которую заливалась обыкновенная вода. Потом с помощью обыкновенного насоса, который навинчивался на пусковую установку, в эту систему накачивался в довольно большом количестве воздух. Воздух с водой образовывал «гремящую смесь», способную вышибнуть ракету вверх, если отжать специальный клапан, который сцеплял ракету с самой установкой. Я помню, как насос накачивал в систему воздух, как судорожно дрожала ракета, привязанная к пусковой установке. Когда уже больше не было сил накачивать дополнительные порции воздуха, помню, как Отец отжал сцепляющий клапан и – все шарахнулись в разные стороны, когда ракета с диким воем, обдав всех пеной, стремительно ушла вверх на высоту порядка 30-40 метров!!! Там высоко-высоко она перешла в горизонтальный полёт и потом, опустив головку вниз, стала стремительно падать на Землю!

Это была просто фантастика!

Под Новый Год родители, забрав нас с Катей, ехали в гости к своим друзьям. Нарядная ёлка, веселье, обильная пища на столе! Я немедленно принялся уплетать различные яства с праздничного стола и очень скоро наелся просто до отвала, отвалился от стола и даже стал икать. В это время в комнату зашла мама со своей подругой. Подруга, смеясь, наклонилась ко мне и спросила: «Ну что, Андрюша, вкусно?» Я сердито на неё посмотрел и, сквозь икоту, ответил: «Ничего не вкусно!», чем привёл её в изумление. Находясь в дурном расположении духа, я почему-то просто ушёл из дома друзей моих родителей. Было уже довольно поздно, и я отправился гулять по городу, чем вызвал страшный переполох в этом гостеприимном доме.

Весной я часто гулял с Отцом по улицам города. Везде текли ручейки, хрустел подтаявший лёд под ногами, блестело солнце, на душе было спокойно и тепло. Отец был огромен для меня. Я путался в его больших брюках, держа его за руку во время наших прогулок. Однажды, прямо перед нами, с крыши дома с грохотом сорвалась огромная сосулька и вдребезги разбилась у наших ног. Ещё шаг, и всё бы закончилось...

Первый класс! Новая жизнь! Первая линейка! Новая форма! УРР-Р-А!!!! Я изо всех сил упорно хотел доказать всем, что я ничуть не хуже своей сестры. Я старательно выводил в тетрадках красными чернилами прописные и строчные буквы, сам себе удивляясь, до чего красиво у меня всё это получается. На уроках труда мы делали различные подарки-поделки своим родителям. Из картона вырезали фигуру вазы, потом раскрашивали её и наносили на неё различные узоры. Мне почему-то нравилось на тёмном фоне вазы ставить мелкий бисер жёлтых точек...

А уж как я был горд своим Отцом-математиком! На первом уроке арифметики мы получили задание: по образцу аккуратно написать 2 страницы арабскими цифрами. Я не только истисал 2 страницы, но даже 5! Причём циферки прописал в каждой свободной клеточке листа! Каково же было моё удивление, когда, открыв на следующий день свою тетрадь по арифметике, я обнаружил в ней жирные 3 балла! Жестокий удар и резкое охлаждение любви к предмету.

Однажды на день рождения одноклассники подарили мне маленького пушистого чёрненького щеночка. Я был потрясён и просто был счастлив! Когда я принёс его домой, это моя мать резко выступила против. Были крики, мой плач. Отец во всю эту историю предпочитал не вмешиваться. На следующее утро меня заставили возвратить щеночка обратно. Неприятная го-речь этой потери долго меня не отпускала.

Часто зимой мы во дворе нашего дома на льду гоняли шайбу, бестолково махая клюшками и тыкая ими во все стороны. Я с завистью смотрел на ребят, которые наматывали на свои клюшки витки чёрной изоляционной ленты. Что-то было в этом магически привлекательное. Тем более, что простая деревяшка без обмотки очень быстро при столкновениях расщеплялась, и играть ею становилось уже просто невозможно.

Однажды, после очередного столкновения, я как-то неаккуратно зацепил ключиком шайбу, и она полетела совсем не в том направлении, куда было надо, а прямо со звоном разбила окно подвального помещения, находившегося неподалёку. Все оцепенели от страха, а потом бросились врассыпную кто куда, боясь наказания. Что касается меня, то я пулей залетел в свою квартиру и сделал вид, что я не имею ни малейшего отношения к тому, что произошло во дворе. Идиллия длилась недолго. С грохотом в дверь постучали хозяева разбитого окна. Шум, брань, ругань... В конце концов этот вопрос как-то утрясли. Отец, по-моему, дал им денег на новое стекло и сверх того, чтобы они не катили на меня бочку в дальнейшем.

Во дворе сверстники, ругавшиеся матом налево и направо, всё время подтрунивали надо мной по этому поводу. Слова были вообще-то не очень понятные и я, обозлившись на них, заявил, что могу спросить у своих родителей всё, что угодно. «А ну, давай спроси у них, что такое слово «хуй!»», – смеясь, сказали они. Делать нечего, я пошёл домой, где как раз находились оба моих родителя, и я задал им этот вопрос. Мать чуть ли не упала в обморок, а Отец, улыбнувшись и немного подумав, рассказал мне одну историю, как однажды будущий царь, у которого наставником был В.А. Жуковский, обратился к нему именно с этим вопросом. Жуковский секунду подумал, а потом ответил: «Ваше величество, это слово является повелительной формой глагола «ховать». Потом отец, конечно, мне всё объяснил, и я вышел во двор с высоко поднятой головой, где в нетерпении меня ожидали сверстники.

Я всегда с раннего детства гордился своим Отцом, хотя уже в зрелом возрасте попытался прочитать его книгу по механике жидкостей и аэродинамике, но ничего в ней не смог понять! Что-то он такое умное в своё время придумал, что до него этого никто не смог сделать. Речь шла о движении в газовой среде тела определённой формы с определённой скоростью и возникновении впереди него области ударной волны.

Это было сделано им впервые в мире!!!

Я был счастлив сознанием этого.

Моё детское воображение непрерывно подпитывалось бесчисленными хвастливо-фантастическими рассказами сверстников, цинично цедящих леденящие душу подробности между отчаянными затылками подобранных в мусорных бачках замусоленных хабариков. Тем не менее, несмотря на столь откровенную односторонность воздействия, моё детское сознание всегда сохраняло в себе какое-то светлое и чистое, искреннее представление о вещах, чему, наверное, не в малой степени способствовала постоянная обработка меня со стороны матери, довольно усердно вдальблывающей в мою голову понятия о чести, достоинстве и тому подобных атрибутах отпрыска потомственно интеллигентной семьи.

Кстати о моих корнях.

Отец мой, Борис Михайлович Булах, родом из простой трудовой семьи, был первым человеком в своей семье, получившим высшее образование.

Долгое время моя странная фамилия в совокупности с далеко не арийским внешним обликом (чему способствовали глубинные корни материнской линии) являлись причиной постоянных притеснений и насмешек со стороны моих «сотоварищей», доводящих меня порой до отчаяния и до совершения поступков, за которые мне мучительно стыдно и по сей день. Самое интересное, что вся эта улюлюкающая мразь преспокойно жила и плодилась под крышей элитного учебного заведения с углублённым изучением английского языка, куда меня пристроила моя ленинградская бабушка, мамина мама – Ольга Александровна Извекова.

Так вот, фамилия моя, принёсшая мне в своё время немало огорчений, является украинской, а мои постоянные расспросы родителей на эту тему помогли мне даже выстроить небольшую цепочку родственников по линии отца с безукоризненно славянскими именами, которой я безуспешно пытался защищаться перед ухмыляющимися рылами одноклассников. Максимум чего я добился таким путём, было снисходительное потрёпывание меня по плечу и новое прозвище, приклеенное ко мне – «обрусевший еврей». И только несколько позже, уже, по-моему, в классе седьмом, когда положение моё стало для меня совершенно невыносимым вследствие своей унижительность, меня прорвало и я, выражаясь высоким слогом, «пролил кровь» (и не в малом количестве), заставил заткнуться ненавистные лица, а вскоре судьба и вовсе развела в разные стороны наши дороги.

Должен сказать, что я никогда не отличался храбростью в обычном понимании этого слова. Чувствительность моей натуры (постепенно со временем под воздействием внешних обстоятельств перешедшая в определённую озлобленность, быстро сменяющуюся сентиментальностью) в большинстве случаев толкала меня устраниваться от лобового столкновения с трудностями. Необходима была определённая степень критичности ситуации, которая могла подвигнуть меня на решительные действия. Эта постоянная неуверенность довольно долго меня преследовала. Я часто мучил себя стандартным вопросом: «не трус ли я?» – и не мог однозначно ответить на него ни в ту, ни в другую сторону.

Моё состояние углублялось ещё моей, в общем-то, неспортивностью. Отец пытался привлечь меня к занятиям спортом, но это были всё игровые виды, которыми увлекался он сам – волейбол, бадминтон, теннис. Мне же, как и любому подрастающему мальчишке, остро была необходима уверенность в своих силах, чего, увы, я в себе не чувствовал.

Для преодоления этого комплекса неполноценности я шёл на довольно резкие шаги. Сначала заставил себя прыгать в бассейне с вышки. Снизу всё кажется простым, несложным. Сколько раз, купаясь в бассейнах, я видел, как уверенные в себе мускулистые мужчины смело залезали на вышку и под восхищённые взгляды полуобнажённых красавиц красиво падали вниз с тучей

брызг в изумрудную водную гладь. Ведь это же так просто, так естественно и нетрудно! Но почему же ноги мои кто-то сковывал невидимой цепью, когда я делал движение по направлению к вышке. И всё-таки я заставил себя залезть на трёхметровую вышку на своих негнущихся от страха ногах. Честно говоря, я не помню, спрыгнул ли я в тот раз или в другой, – но спрыгнул.

Следующим воспитанием чувств явилось приключение, которое я себе устроил в один из приездов на летний отдых в дивный курортный посёлок Кабардинка, стоящий на берегу самого синего, ласкового и величественного Чёрного моря. Отец вывозил нас на море почти ежегодно. Какое было удивительное, лёгкое, беззаботное время! Мы его воспринимали абсолютно как должное. Солнце, солёные брызги, медузы, огромный, необъятный подводный мир! Я надевал маску, ласты и нырял на глубину, как мне казалось, огромную. Мимо медленно проплывали красивые рыбы, мохнатые водоросли шевелили ветвями своих кустов. Чтобы не задохнуться, я пробкой вылетал на поверхность, не догадываясь, что за столь неосторожное поведение могу жестоко поплатиться.

Однажды, заплыв довольно далеко от берега и после очередного погружения на максимально возможную глубину вынырнув на поверхность, я почувствовал резкую головную боль, буквально раскалывавшую мою голову пополам. Резкий перепад давления, испытанный мной, всё-таки дал о себе знать. Слава богу, у меня хватило ума и воли не запаниковать, хотя до берега было довольно далеко, а рядом даже близко никого из людей не было (мои родители в это время в компании спокойно играли в карты). Я быстро перевернулся на спину и старался не делать резких движений. Как сейчас помню небо надо мною и брызги, заливающие лицо. Когда ноги в ластах тонули, я тихонько ими шевелил, постепенно подтягиваясь поближе к берегу. Страх не было – было любопытно и жутко от этого ощущения всамделишной опасности.

Естественно, все эти приключения не только не остепенили меня, но укрепили во мне уверенность в своих возможностях выходить сухим из воды при различных экстремальных ситуациях. Какой-то бес всё время подталкивал меня на всё новые и новые деяния. «А слабо тебе это, а слабо тебе то?» – будто нашептывал мне его искушающий голос.

Сам курортный посёлок находился у самого берега моря, а дальше начинались холмы, которые поднимались всё выше и выше, образуя покрытые мягкими шапками зелёного леса небольшие горные массивы. Они представлялись в моём детском воображении диким, необитаемым миром, полным загадок и опасностей. Среди этих холмов особняком стоял один, густо заросший южным лесом, более крупный и поэтому носящий гордое имя – гора Безумная. К нему вела довольно утоптанная тропинка, по которой любознательные отдыхающие, сколоченные в туристские группы, с кряхтеньем взбирались на самую вершину, откуда открывался изумительный вид на всю бухту. В далёкой туманной дымке по выпуклому горизонту медленно ползли

белые пароходы, а над всем этим миром парило синее-синее, без единого облачка, огромное небо, залитое ослепительным солнцем. Но иногда погода портилась, и горы затягивало тучами, шёл прохладный дождь, море шумело и ворчалло, и никто не высовывался из своих пансионатов.

В один из таких дней мне в голову пришла «неслабая» мысль в одиночку прогуляться туда и обратно на вышеописанную гору Безумная. На ногах у меня была вполне подходящая обувь типа пляжных шлёпанцев-вьетнамок, причин отступить от задуманного не было. Надо ли говорить, что когда я через семь часов, буквально крича от боли, в израненных о мелкий щебень ногах, проклиная всё и вся на свете, доплёлся до своей кровати и упал на неё, мне было абсолютно наплевать на то, что поставленный над самим собой мазохистский педагогический эксперимент, в общем-то, закончился так, как я этого хотел.

Незадолго до описываемых событий, перед самым отлётом на Чёрное море, я в целях очередного укрепления своего боевого духа предпринял культ-поход в парк культуры и отдыха, расположенный вокруг станции метро «Парк Победы». В середине парка высилась парашютная вышка, с которой любители острых ощущений – кто сам, а кто с помощью двух бойких инструкторов – кувырякаясь летели вниз и через меновенье повисали над землёй тушкой, которую не спеша спускали вниз на тросе. Новиспечённый «парашютист» гордо висел между небом и землёй, а над ним парил зонтик муляжного купола. Снизу всё это выглядело довольно несерьёзно и убого. Стоило это удовольствие довольно прилично, но деньги у меня были. Родители мне давали на завтрак каждый день копеек 20, на которые я играл, как и всякий уважающий себя мужчина, в туалете на переменах в «орлянку».

Таким образом, на тот момент финансовых проблем я не испытывал и довольно скоро уже добрался до середины вышки, поднимаясь всё выше и выше. Надо сказать, что погода в тот день была не очень хорошая, было облачно, дул ветер, и где-то на середине пути я явственно чувствовал, что вышка немного раскачивается, что, естественно, не придало мне бодрости. Лестница, по которой я поднимался вверх, не имела никаких особых ограждений, и было довольно жутко отрываться от стенки, поскольку с каждым шагом люди и деревья уходили куда-то вниз, а кругом виднелись многочисленные крыши близстоящих домов.

Наконец я вынырнул наверх. На моих глазах двое лбов-инструкторов, взяв за шиворот испуганного мальчишку, облачённого в парашютную сбрую, бесцеремонно с прибаутками вышвырнули его куда-то вниз, после чего повернулись и направились ко мне. «Ребята, – сказал я сдавленным голосом, – меня не надо, я сам». «А...», – ответили они, – ну давай, а не то поможем». Они быстро надели на меня какой-то ранец, застегнули на мне крючки-карабины (причём я видел, что при несчастливых обстоятельствах они могли бы элементарно растянуться) и предоставили меня самому себе. «Если почувствуешь призвание, то обязательно вернёшься и ещё раз прыгнешь», – добро-

желательно сказал один из них, похлопав меня по плечу. Делать нечего. Я на каменных ногах подошёл к краю, поглядел вниз и невольно присел на корточки, чтобы приблизить к себе Землю с маленькими фигурками людей внизу, потом как-то боком свалился вниз. Я действительно помню всё это в таких мельчайших деталях, всё это крепко врезалось в мою память. Свободный полёт длился не более секунды, в течение которой у меня в голове не мелькнуло ни одной мысли. Я только тупо в ужасе глядел на стремительно увеличивающуюся Землю, потом удар, всё кувырком, и ещё через секунду я ошеломлённый вишу на тросе и уже с удовольствием гляжу по сторонам, гордый и весьма довольный собой. Конечно же, я снова попёрся наверх; конечно же, я снова, уже наверху, страшно об этом пожалел, потому что страшно было ничуть не меньше, чем в первый раз. Полёт, толчок, удар – и снова я вишу на тросе, а на лбу у меня вспухает здоровенная шишка: это карабин со всего маху стукнул каким-то образом меня по лбу. Таким образом, я был немедленно наказан за свою упрямую тупость.

Надо сказать, что по прошествии многих лет мать сказала мне, что они с Отцом всё-таки посматривали в мою сторону и все эти «героические» попытки утверждения моей самостоятельности в массе своей оставили у них чувство определённой гордости за своего непутёвого сына.

Как это ни странно, но почему-то я был на очень плохом счету по части поведения, чему весьма способствовала стычка между мною и моим одноклассником. Разняли нашу драку случайно. Мы продолжали по очереди бить друг друга по ослепшим глазам и зубам, когда какая-то учительница младших классов с белым лицом, случайно проходившая мимо, бросилась к нам. Потом на педсовете, на котором нас исключили из школы на 3 дня (были такие странные меры воздействия), она в ужасе говорила, что такого зверства не видела даже у взрослых. Когда Отец узнал на этом собрании, что одной из причин побоища была девочка, он к удивлению присутствующих, как мне потом рассказала мама, заявил, что не собирается применять ко мне никаких мер воздействия, более того, он гордится, что его сын стал мужчиной. Такая странная реакция подстегнула возмущённых педагогов, и меня с треском выперли из школы, сначала навсегда, потом, после вмешательства моей всесильной бабушки Ольги Александровны, только на указанный мною срок.

Эти события явились определённым поворотным моментом в моей жизни. С тех пор я был морально готов постоять за себя, для меня перестала существовать непреодолимой преградой проблема ударить другого человека. Правда, ценою этому стала определённая озлобленность и даже жестокость, пустившая во мне свои ростки. Несмотря на это, я и по сей день считаю произошедшее лучшим для меня выходом в сложившихся обстоятельствах.

Что же касается моей матери, Татьяны Борисовны Извековой, то жизнь её сложилась просто ужасно: рафинированная дочка петербургского

профессора, счастливо и безмятежно прожившая первые десять лет своей жизни в Петербурге, была безжалостно захвачена и заверчена маховиком сталинских репрессий, применённых к её родителям, буквально раздавлена и выброшена на помойку жизни с проклятым ярлыком «дочери врагов народа», от которого она долго, очень долго отмывалась потом всю свою последующую жизнь. Родители моей мамы были очень высококультурными людьми, математиками по профессии, решившими родить себе ребёночка в уже весьма преклонном возрасте: Татьяна Борисовна появилась на свет, когда её матери Ольге Александровне было уже 40 лет.

В роду у нашей Таточки (как нежно называют её ласковые внуки) были и церковные, и дворянские корни. Дедом моей мамы был один из знаменитейших юристов царской России – Александр Яковлевич Пассовер, о котором подробно Татьяна Борисовна написала в предыдущих своих книгах. Я думаю, а точнее, просто уверен, что именно оттуда и потянулась эта явно неарийская внешность из поколения в поколение, которая доставила мне столько неприятностей в жизни. Когда мне было 16 лет и нам выдавали паспорта, я, как рассказывала Татьяна Борисовна, был настолько взбешён всей этой несправедливостью, всем этим воинствующим антисемитизмом, что захотел в паспорте записать свою национальность как еврей. Ну что же это такое?! У ребёнка родители русские, а сын еврей?! В общем, отговорили меня от этого шага...

Когда я попытался расковырять генеалогическое дерево со стороны отца, то выяснил, что все эти Булахи родом с Украины, с Полтавщины, где расположены несколько деревень с названием Булахивки, в которых и живут только жители с этой фамилией. Увы, не довелось мне побывать в этих местах. Ни мне, ни моему сыну...

Итак, моя мать проживала первые свои десять лет со своим отцом Борисом Ивановичем Извековым, профессором математики ЛГУ, но без своей матери, моей бабушки Ольги Александровны (которая была выслана в 1934 году в Саратов, а затем вновь арестована и посажена в ГУЛАГ под г. Горьким), так что фактически моя мать в свои пять лет была лишена своей матери сроком на семь с половиной лет. За год до начала Великой Отечественной войны, в 1940 году, бабушку выпустили, но в 1942 году был арестован отец матери, мой дед, и приговорён по сфальсифицированному обвинению к расстрелу как «враг народа». Квартира и всё имущество было конфисковано.

52-летняя бабушка и двенадцатилетняя мама остались без крова, без всяких средств существования, без бабушкиных документов об её образовании, так как она их не успела получить после ГУЛАГА из-за начала войны (всё это подробно описано в маминых предыдущих книгах). В результате они перебрались в Саратов, где у бабушки ещё оставались друзья по прежней ссыльной жизни. Жилья нет, работы нет, дочь на руках... Ей удалось пристроиться работать сторожем, стеречь арбузы на полях. Маленькая па-

латка, кругом бахчи, вокруг ни души. В общем, жизнь, мягко говоря, не сахар.

Надо сказать, что Таточка с детства отличалась чрезвычайно жизне-любивым состоянием души. Я не сказал бы, что она была очень красива в молодости (судя по её фотографиям), но та жизненная энергия, которая буквально брызгала из неё на каждом шагу, безусловно привлекала к ней массу поклонников. На мой взгляд, она была в определённом смысле кем-то вроде чеховской «Попрыгуньи». Большое количество друзей, шумное веселье и тому подобное. Когда пришла пора, она поступила («со скрипом», по-моему) на механико-математический факультет Саратовского университета, где и встретилась с моим Отцом. Вокруг Татьяны Борисовны увивались и старшекурсники, но выбрала она почему-то моего Отца. Он поразил её той лёгкостью, с которой решал различные математические задачи.

У Татьяны Борисовны была близкая подруга Тамара, очень приятная, спокойная и милая девушка. Когда родители Отца узнали, что мои родители хотят пожениться, то саратовская бабушка Ольга Ивановна не выдержала и сказала: «Господи, ну почему выбрал вот эту, а не ту!» (явно намекая на подругу Татьяны Борисовны). Однако родители моих родителей не стали чинить им препятствий. «Тебе самому жить, ты сам и выбирай», - сказал моему папе его отец. На свадьбе слово взяла мать Татьяны Борисовны: «Если захотите развестись, вот вам деньги на развод» (в те времена надо было платить деньги за развод, и не малые!). С таким «пожеланием» молодые и вступили в совместную жизнь.

Надо сказать, что особой любви в семье отца Татьяна Борисовна заслужить не смогла. К ней довольно долгое время косо относилась младшая сестра Отца, наверное, недолюбливая Татьяну Борисовну за её вспыльчивость и непостоянство характера. Когда через некоторое время выяснилось, что на Таточке пудовой тяжестью висит проклятый ярлык «дочери врага народа», то это привело в некоторое замешательство саратовскую бабушку. Дело в том, что вся семья отца (как практически и все вокруг) воспитывалась, в общем-то, в слепом преклонении перед вождём мирового пролетариата. «Да если ты только что-нибудь плохое скажешь про товарища Сталина, я тебе глаза выцарапаю!», - взвивалась на дыбы младшая сестра отца Надя. Когда Татьяна Борисовна обратилась к своей свекрови с прямым вопросом: «Ольга Ивановна! Скажите как на духу. Если бы вы знали заранее, кто я такая, то разрешили бы вы Борису жениться на мне?», то получила в ответ: «Нет, не разрешила бы». Оскорблённая Таточка убежала из дома свекрови, и Отцу пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить её и вернуть домой.

Отец Бориса Михайловича, Михаил Дмитриевич, отнёсся к этому делу более спокойно. Наверное, в своём танковом училище, а потом и на войне, он на своей шкуре понял, что рыба гниёт с головы, но чистят её с хвоста (по-моему, это просто народная мудрость). Когда после окончания Универси-

тета, папу не захотели по этой причине брать в аспирантуру, Михаил Дмитриевич надел свою парадную полковничью форму со всеми своими боевыми наградами и пошёл в ректорат Университета. Там он заявил: «Жён у человека может быть сколько угодно, а вот сын у меня только один! И не для того я под Курском воевал, чтобы моего сына в аспирантуру не взяли!» Вот такие дела.

Шли годы...Репрессированные в годы Сталинских репрессий были реабилитированы. Ольга Александровна получила разрешение вернуться в свой родной город, где она стала жить вместе со своим старшим сыном Владимиром Николаевичем Костарёвым в его квартире на Таврической улице. Моей маме не разрешили вернуться домой, так как она уже создала свою семью в Саратове. Отец успешно защитил сначала кандидатскую, а потом докторскую диссертацию – в 33 года. По его работам начали ставить различные эксперименты не только у нас в стране, но и за рубежом – в Канаде, Англии. Про успехи моего Отца писала саратовская пресса.

Матери страстно хотелось вернуться домой в свой родной город. Однажды, приехав погостить к Ольге Александровне в Ленинград и прихватив с собой газету с очерком про Отца, она прямоком направилась в ЛЭИС (Ленинградский электротехнический институт связи), который располагался на Мойке, рядом с Невским проспектом. В приёмной у ректора института былолюдно, сновали туда-сюда различные люди, которых то впускала, то не впускала строгая секретарша. Когда секретарша вновь собиралась войти в кабинет ректора, Татьяна Борисовна быстро к ней подошла и протянула ей в руки газету. «Пожалуйста, я вас очень прошу! Передайте ректору это. Только передайте!» - попросила она. Секретарша недоумённо пожала плечами, но газету взяла и скрылась за дверью кабинета. Через 2 минуты она пулей оттуда выскочила и срочно попросила Татьяну Борисовну пройти внутрь. За столом сидел тучный, но очень энергичного вида человек. Это был Константин Хрисанфович Муравьёв. «Так, мне этот человек нужен. У вас нет квартиры? Мы её вам дадим. Дайте мне номер его саратовского телефона, я хочу срочно с ним связаться!». Дело в том, что К.Х. Муравьёв, будучи генералом во время войны, был достаточно близок с людьми, которые в данный момент находились на вершине власти в стране. Поэтому он обладал большими связями и широкими возможностями. Тачочка вежливо поблагодарила его и сказала, что лучше она сама свяжется с Отцом и всё ему объяснит. Она боялась, что Отец начнёт волноваться и ляпнет что-нибудь не то, что надо.

Вот так вот мы и переехали в город на Неве. Весь процесс укладки вещей, отправления контейнеров, перевозка всего хозяйства из одного города в другой – всё это взяла в свои руки Татьяна Борисовна. Она закусила удила, и её уже было не остановить!

Так, в конечном счёте, мы и оказались на проспекте Космонавтов в пятиэтажном блочном доме в двухкомнатной квартире №104 в «лучшем го-

роде земли» (по маминому мнению) – в её родном городе, из которого она была несправедливо изгнана 23 года тому назад. И всё это случилось благодаря моему Отцу. Через два года мы переехали в трёхкомнатную квартиру на Московском шоссе, съехавшись с ленинградской бабушкой, Ольгой Александровной.

Около нашего дома на Московском шоссе, на развилке, откуда уходила дорога в аэропорт и г. Пушкин (Царское село), лежали старые развалины довольно крупной двухэтажной постройки. Это был «Чайный домик» императрицы Екатерины II, в котором она и сопровождающая её свита останавливались на отдых при поездке за город. Вокруг развалин на много километров вглубь в сторону Пулковских высот тянулись густые заросшие фруктовые сады. Никто их не охранял. Ну, почти никто. Ещё участь в английской школе, я довольно часто в них гулял.

Однажды я нарвал с яблонь довольно большое количество довольно крупных яблок и принёс их домой. Гордо выложил своё «богатство» на кухне, но, к своему удивлению, увидел, что лица моих родителей недовольно вытянулись. «Так, значит, ты всё это где-то украл, а теперь ворованное несёшь в дом!» – сразу бросилась в атаку Татьяна Борисовна. «Да ведь это они просто так себе висели и висели, и никому были не нужны. Вот я и принёс их домой!» – пытался я защищаться. Заглянувшая на кухню Катерина, сморщила свой нос, хмыкнула и растворилась обратно в квартире. Отец молча смотрел в окно, не участвуя в нашем разговоре. «Значит так! – заявила мне мать. – Ты немедленно всё это заберёшь отсюда и унесёшь обратно. И не просто унесёшь, а сдашь всё сторожу сада. Лично в руки. А я потом проверю». Я взвыл от горя! Да ни за что! Ни за какие каврижки! Чтобы я туда пошёл обратно?! Нет! Нет! Нет! Нет!!! Я, честно говоря, уже не помню, чем закончилась эта перепалка, но в сад обратно я не пошёл. В меня вкололи такое чувство стыда и омерзения к этой процедуре, что я пронёс всё это через всю свою жизнь!

Мой дед со стороны отца - Михаил Дмитриевич Булах. Это был очень простой и честный человек. Полковник запаса. Всегда и всем говорил только правду. Будучи преподавателем в танковом училище, он прямо говорил о технической мощи предполагаемого соперника в надвигающейся войне - фашистской Германии. Лекции его курсанты любили, любили и его.

Какое-то время он служил под командованием маршала Жукова в Белоруссии. В семье рассказывали такие две истории. Ожидалась в его военной части комиссия для очередной проверки во главе с двумя генералами. Жуков предупредил повара, что один из генералов любит недосол, так повар за неделю до их приезда один из двух деревянных половников вымачивал в воде. В результате оба генерала остались довольны щами!

И вторая история о личном контакте деда с маршалом Жуковым. Дед поделился с маршалом своими опасениями в отношении одного солдата (у солдата были попытки к самоубийству). «А ты дай ему верёвку потолще, как рукой снимет!» - посоветовал Жуков. По-видимому, совет помог, никакого ЧП не случилось. Будучи на фронте дед участвовал в самом страшном танковом сражении на Курской дуге и заслужил там орден Красной Звезды, хотя его представляли даже к ордену Красного Знамени. Этот орден не утвердили, так как он был «чужой» - неизвестный ещё человек. Дед сумел остановить бегущих от немцев красноармейцев, повести их в атаку, выбить немцев из занятых ими позиций и далеко продвинуться вперёд. И это – на второй день пребывания на фронте!

Тётя Надя рассказала, что однажды деда переехало по диагонали заднее колесо пятитонки. Пролежав в госпитале 8 месяцев, он с трудом выкарабкался с того света. Я видел у моего деда множество орденов и медалей, которые хранились у него дома. Это были ордена: Красной Звезды, Красного Знамени, Ленина.

Его разбил паралич, когда произошёл следующий случай. Около их дома в Саратове росли старые корявые деревца. Дед выкорчевал их, а на их место посадил фруктовые деревья - яблони, вишни, груши. Они прижились и быстро выросли. Дом стоял в зелени деревьев, и в нём было тихо, спокойно и уютно. И вот однажды в рамках какого-то субботника по уборке территории пришли молодые «козлы» с бензопилами и начисто всё срезали вокруг его дома. Болел он очень долго. Умер в 1966 году. Отец специально прилетел к нему из Ленинграда, и дед умер у него на руках...

Вот так вот.

Саратовская бабушка, Ольга Ивановна, была очень простой, но крайне одарённой во всех отношениях женщиной. Вроде бабушки Алексея Максимовича Горького. Она была родом из кубанских казаков. Всю свою жизнь отдавала мужу и детям.

Когда я учился в Ленинграде в 239 школе, то после 9 класса мы летом поехали туристической группой на юг – в Узбекистан и Таджикистан. Нам предстояло совершить сложный маршрут в районе Фанских гор. Рано утром, где-то около 6 часов, наш поезд проезжал как раз мимо Саратова. Причём стоянка была минутная, поэтому я ничего и не написал ей. Как она узнала об этом, как нашла поезд, и вагон в котором я ехал?! Я только спросонья услышал какой-то шум, её голос и упрёки в мой адрес. Поцеловав меня, она оставила мне целый мешок продуктов - яблок, груш, слив.

И ушла.

Умерла она от рака в весьма преклонном возрасте. И здесь я впервые в упор увидел мертвого человека. Когда это произошло, то Отец не мог лететь в Саратов. Он был болен. У него до этого уже был инфаркт миокарда. Поехала в Саратов моя мать, взяв меня с собой. По дороге она попросила меня не пить на поминках, и я ей это обещал. Дело в том, что в это время я

уже ездил по стройотрядам, а там шла такая убойная работа и такое «празднество» по выходным дням, что народное средство от простуды я пил в то время как обычную воду.

Валерий Яковлевич Рывкинд, приятель моего отца, работал в то время на матмехе ЛГУ в Петергофе, когда я, видя всю бесперспективность своего существования в рамках Специализированного Опытного-Конструкторского бюро «Радиофизика» (с лёгкостью основанного заведующим кафедрой радиофизики Глебом Ивановичем Макаровым в рамках Научно-исследовательского института физики (НИИФ)), разругался со своим научным руководителем Людмилой Николаевной Лутченко и решил уйти. В.Я. Рывкинд предложил мне перейти к нему и тут же помог мне оформить документы в заочную аспирантуру. То, чем он сам занимался и предлагал заниматься мне, было настолько далеко от меня, что начинать заново в моём возрасте эти игры мне казалось уже бессмысленным занятием. Да, я тянул резину, сдавал на «отлично» полагавшиеся мне экзамены, но душа моя абсолютно уже не лежала ко всему тому, чем мне приходилось заниматься. Тем более, попал я опять в дамский коллектив программисток, которые абсолютно ничего не понимали в той работе, которую они выполняли. Создавали нелепые архаические программы – «мёртвоорождённых детей».

И всё это я должен был у них перенять и двигать дальше!

Да пошли они все в одно место!

Валерий Яковлевич непрерывно твердил мне, чтобы я обязательно сделал хорошую диссертацию, что это будет достойной памятью моему Отцу. Но я уже был как проколотый воздушный шарик, из которого со свистом вылетает его содержимое и весь он сморщивается и теряет свою прежнюю упругую форму...

Вообще, мой Отец был всегда очень спокойным и доброжелательным человеком. Был очень аккуратен. Когда я заглядывал в конспект его лекций по теоретической механике, то видел, что те места, которые его не удовлетворяли в тот момент, были заключены в овальную рамочку и заштрихованы косой линией.

В детстве Отец учил меня чистить картошку, сидя на табуретке около ведра, куда сбрасывались очистки. И так это у него получалось всё спокойно и равномерно, что у меня от восхищения просто дух захватывало, когда я видел, что целая винтовая срезка шлёпалась в ведро, а сам чистенький корнеплод отправлялся в кастрюлю с холодной водой. У меня никогда не хватало на это терпения, поэтому я зло обкрамсывал свою «болванку», срезая с неё с разных сторон за несколько подходов приличные куски вместе с «мясом», получая на выходе «остаток» несравненно более маленького объёма, нежели до начала этой муторной для меня операции.

Со временем эта привычка к аккуратности перешла и ко мне. Если я что-нибудь делаю, то стараюсь это сделать максимально тщательно и точно, невзирая на потраченное мною время.

Помню, как один раз к Отцу пришло письмо с отзывом на очередную его работу, в которой рецензент указал на «неправильность» взятия им некоторого интеграла, что сперва привело Отца в состояние определённого возбуждения, когда он стал возмущённо говорить, что, по всей видимости, там его просто не поняли до конца, что дело было в некоторых особенностях, сразу же не бросающихся в глаза. Потом он замолчал и задумался... Задумался и лёг на диван, забросив за голову руки. Почему-то всё это вот так вот и запомнилось мне тогда.

Когда Отца не стало, моя сестра Катя, уже будучи доктором физико-математических наук, с огромной жалостью сказала, что у Отца была светлая во всех отношениях голова, и можно было бы в дальнейшем получить от него огромную пользу в её науке...

Мой Отец никогда не вступал со мною в откровенные разговоры. Почти никогда. Один раз он мне признался, что в детстве у них враждовали улица на улице, и один раз с их стороны собралась стайка ребят для последующей драки, но он струсил и убежал. Это воспоминание мучило его всю жизнь...

Надо сказать, что чувство страха присуще любому человеку. Любому. Дело только в том, насколько хватит у человека сил взять себя в руки и перебороть это чувство. Это сказал не я. Был такой «живой» классик литературы - Константин Симонов. Всё это и написано в его трилогии «Живые и мёртвые».

А мой Отец неоднократно на моих глазах подтверждал выше сказанное.

Отец часто брал меня с собой на стадион, который находился в двух остановках автобуса от нашего дома. Он купил для меня и Катерины теннисные ракетки, специально подтягивал на них струны у довольно известных в городе мастеров. Когда он играл со мной один на один, то я (когда у меня не получался удар или я не мог дотянуться до пущенного его рукой мяча) страшно бушевал в гневе, швырял ракетку на землю, орал нецензурные слова – в общем, действовал в лучших традициях несдержанного в эмоциях лидера современной сборной России по теннису Марата Сафина. Потом грустно тащился за Отцом на автобусную остановку.

Отец иногда брал меня с собой на песчаные корты в центр города, где проходили матчи профессионалов. Интересно было, сидя на трибуне, наблюдать за их игрой...

Отец увлекался игрой в бадминтон, хорошо катался на лыжах, прекрасно играл в волейбол. И всегда старался меня пристроить в различные секции по этим видам спорта.

Когда его не стало, я попросил у матери его теннисные и бадминтонные ракетки.

На память.

Когда мы жили на Московском шоссе вместе с бабушкой Ольгой Александровной, у меня с ней один раз на почве хоккея произошла довольно резкая стычка. В какой-то стране проводился очередной чемпионат мира, и вечером должна была состояться трансляция ну ничего для нас не значащего матча типа СССР-ГДР либо СССР-Польша. Счёт был заранее предсказуем: что-нибудь вроде 16:2. Отец куда-то уходил вечером по своим делам, а я у него попросил разрешения посмотреть эту игру. Только я расселся перед телевизором в средней проходной комнате, как из маленькой отдельной комнаты выплыла моя мрачная бабуля и, сверкая на меня своими колючими карими глазами, потребовала, чтобы я немедленно выключил телевизор и шёл заниматься своими уроками.

От предложения моей бабушки я буквально вскипел, как пороховая бочка, взлетающая на воздух. Я уже сейчас не помню, что я ей высказал в довольно резкой форме, но смысл был понятен: мне эту игру разрешил смотреть мой Отец, а Вы бы, бабушка, шли куда подальше! Встретив с моей стороны такой яростный отпор, Ольга Александровна сверкнула на меня глазами, скрипнула зубами и, что-то бормоча себе под нос, удалилась в свою комнату. Хотя такое поведение для её буйной натуры было совсем не характерным. За глаза сослуживцы в своё время называли мою бабушку «тигрицей»!

Я много лет гонялся по «Старым техническим книгам», пытаюсь купить ту или иную редкую для меня литературу, надеясь, что когда-нибудь я отодвину в сторону все свои дела и начну копать, копать, копать, копать те вещи, которые мне оставались не до конца понятными. А зачастую и просто непонятными. Отец, как рассказывала мне мать, всегда считал меня способнее своей сестры, не в обиду ей будет сказано. Мне всегда до всего хотелось докопаться, поставить для себя все точки над і.

Но всё сложилось так нелепо и глупо. Во многом и по моей собственной вине. Хотя я ни о чём не жалею. Как сумел прожить, так и сумел.

Я помню, в детстве был восхищён тем, насколько красиво ходит на лыжах мой Отец. Спокойно, размеренно и очень технично. Когда я пытался двигаться так же красиво, то чаще всего мои лыжи цеплялись за снег, и я падал с них вниз.

Один раз, когда мы с Отцом в одно из воскресений, уже после всех наших лыжных прогулок по Павловскому парку, перед возвращением домой зашли перекусить около вокзала в столовую при Доме отдыха, то там Отец подвёл меня к одному столику и познакомил с очень изящной, аккуратной и чрез-

вычайно молодожаво выглядевшей женщиной весьма преклонного возраста, которой оказалась Ольга Александровна Ладыженская, одна из ведущих математиков Советского Союза в то время. Я что-то краем уха уже слышал о ней и, глядя на ту почтительность, которую проявил тогда к ней мой Отец, во все глаза смотрел на неё, даже позабыв выпить свой компот...

Довольно часто мы всей семьёй уезжали на выходные дни кататься на лыжах в Зеленогорском направлении. Где-то через час езды мы дружно выходили на станции Комарово, надевали свои лыжи и вслед за Отцом цепочкой втягивались в дивный сосновый лес, который мгновенно поглощал нас. Высоченные сосны тихо покачивались на ветру, но к нам вниз ветер не проникал. Тишина, красотища!.. Только скрип лыж и тихо падающий вокруг нас снег. Дорога наша петляла с горки на горку, скатываться с которых иногда было очень даже не просто. Когда мы добирались до озера Щучье, лежащее между станциями Комарово и Зеленогорск, то там устраивали привал. Отец доставал из своего рюкзака термосы с горячим чаем и бутерброды, и мы с Катериной жадно на них набрасывались. Много ли человеку надо для полного счастья?!

Наевшись и напившись, мы вновь становились на лыжи и через высоковольтную линию поворачивали уже в сторону Зеленогорска, куда и приходили часа через три после нашего перекуса. Эти постоянные поездки зимой в сторону Зеленогорска быстро вошли у нас в привычку, и даже когда наступало лето, нас часто тянуло на Карельский перешеек. Просто выйти из электрички и уйти в лес, где всё тихо, спокойно. Бродить по нему, ни о чём не задумываясь. Собирать грибы, если они попадаются, ягоды.

Моя сестра, когда в очередной раз приехала обратно к себе домой, в Россию, как-то пошутила, что там, за границей, если человека вывезти на природу, можно в нём безошибочно узнать русского по национальности. Стоит нашему соотечественнику оказаться в лесу, он тут же начинает ползать по траве и собирать ягоды.

Казалось бы смешно, но ведь действительно это так...

Один раз мы поехали вдвоём с Отцом в Кавголово, где стояли знаменитые трамплины – большой и малый. С этих трамплинов прыгали настоящие лыжники-профессионалы. Одеты они были в специальную облегчающую тело спортивную форму, большой противоударный шлем с защитными очками и специальные лыжи с хитрыми креплениями.

Рядом с этими двумя трамплинами на склоне оврага был построен уже совсем небольшой трамплин, где все желающие могли испытать на себе «прелести свободного полёта». На этом трамплине часто разминались и профессионалы, прежде чем идти на официальные соревнования. Трамплин-то был небольшой, но это для кого как! Подходить к нему у меня никакого желания даже и близко не было. А тут мой Отец взял и полез наверх. Постоял наверху и поехал вниз. Лыжи-то у него были простые – беговые, на жёстких креплениях. То есть совсем не приспособленные для подобного рода

подвигов. Он даже изобразил подобие прыжка, и, удачно приземлившись на склоне оврага, съехал с трамплина вниз! Вот это да! Ай да батя! Ай да молодец!

Я уже сейчас не помню, подначил ли он меня или же я сам попёрся наверх. Ну, не помню, хоть убей! Я думаю, что это я сам. Когда я забрался наверх и развернул свои лыжи вниз на разгонную колею, уходящую вниз, то там внизу она обрывалась, а за ней вообще ничего не было видно! Только вдалеке противоположный склон оврага, покрытый мелким лесом. Боже мой! Куда я забрался?! Какого чёрта мне здесь нужно что-то делать! Зачем мне это всё?! Этот рой мыслей стремительно пронёсся у меня в мозгу. Но ведь отступить-то уже было некуда! За моей спиной уже прилаживалась к своему прыжку какая-то отпетая деревенская харя в полной амуниции с длинными плоскими лыжами.

Мама родная! Это тебе не с вышки вниз кувырнуться! И удрать-то я при всём своём желании уже не смог бы. Все пути отступления уже были отрезаны. Не знаю как, но всё-таки я поехал вниз. Я с ужасом глядел на приближающийся с большой скоростью обрез трамплина, и, когда до его конца оставалось чуть больше метра, я резко выпрямился и ушёл в «полёт»...

Я не помню, как долго я летал (по-моему, вообще нисколько!), так как мои лыжи сразу же стукнулись о склон оврага, и я понёсся вниз со страшной скоростью. Трамплин был настолько «заезжен» и «раздолбан», что внизу при выходе со спуска были большие глубокие колеи и рытвины, на которые я нёсся с возрастающей скоростью. Причём выход был настолько крут, что мне казалось, что я просто сейчас разобьюсь о дно оврага. И тут я струхнул и сел на попу. От досады я снова пошёл наверх и снова прыгнул, но опять внизу снова сел со страху на свою пятую точку.

А Отец-то съехал, а я нет... Так что это «приключение» оставило у меня в душе вместе с радостью одержанной победы чувство горечи от того, что я не смог довести это дело до конца... Увы!

У Отца в молодые годы одной из самых любимых игр был волейбол. По-моему, он даже играл в студенческие годы за сборную Саратовского университета. Уже гораздо позже, когда на свет появились мы с Катей, когда он привозил нас летом на Чёрное море в Кабардинку, то там в самом пансионате часто собирались на игры по волейболу отдыхающие и местные жители. Среди них очень яркой фигурой был один мужчина с сильно выраженными южными чертами лица. Его почему-то все звали Грек. То ли он действительно был этой национальности, то ли ещё почему-то. У отдыхающих пансионата капитаном всегда был мой Отец. Они вместе с Греком приносили и натягивали сетку на площадке, и игра начиналась.

Грек играл очень ярко, красиво и крайне экспансивно, выплёскивая наружу всю свою внутреннюю энергию. В отличие от него Отец очень спокойно руководил действиями своей команды. Вне зависимости от результата игр всё

кончалось крепкими рукопожатиями, и усталые игроки шли на близлежащий пляж, чтобы освежиться в чудном и добром Чёрном море. Отец уже в это время был достаточно «грузен» и не столь быстр и поворотлив, как в свои молодые годы. Впрочем, как и Грек, который год от года всё расплывался и толстел, хотя не терял боевого задора.

Поставим вопрос ребром! Почему я пишу о своём Отце всегда одно только хорошее? Почему у меня нет аналогичного чувства к матери? Там, конечно, в массе своей преобладают тоже тёплые эмоции, но всё-таки сильная привязанность к Отцу, вероятно, позволяла мне во многом закрывать глаза на всё то, что выпадало из построенного мною образа непогрешимого человека.

Мне вспомнились сейчас слова моего Отца, сказанные по одному поводу.

Он был большим любителем изучения истории человечества, часто брал из библиотек различные книги. После его смерти у нас в доме осталась одна из таких книг – «Метаморфозы» римского поэта Овидия. Какие хорошие стихи! Какие необычные! Я впервые оттуда понял, что в общем-то бранное слово «гермафродит» оказалось абсолютно другим по своему смыслу. Просто таким именем называли дитя, рождённое от союза Гермеса и Афродиты, которое частично унаследовало некоторые черты своих родителей. Только и всего!

Так вот, Отец однажды в шуточной манере спросил у меня, знаю ли я, что означает слово «паразит». Ну, а что я ему мог ответить? Паразит – он и есть паразит. И что там может быть ещё такого, чего я не знаю? Тогда отец мне пояснил, что так назывались в Древней Греции обедневшие граждане, которые зарабатывали себе бесплатное угощение, развлекая хозяев, то есть нахлебники, а в Древнем Риме, где уже господствовал культ христианства, так стали называть сельские районы, где ещё сохранились очаги языческого вероисповедания, которое нужно было немедленно придушить на корню.

Вот такие неожиданные вещи иногда всплывают в памяти...

Один раз родители навестили меня летом в волейбольном лагере, который расположился в пригородном посёлке Воейково. Мы как раз нудно ковыряли мячик на площадке, когда вдруг мне послышался возглас: «Андрюша!» Я ничего не понял, покрутил вокруг себя головой и вновь возвратился к игре. Но тут вновь послышался голос моей матери: «Андрюша!» Я снова ничего не понял, вновь покрутил вокруг себя головой и тут увидел в лесочке, спускающемся по склону оврага к площадке, чьи-то тени, которые и оказалась моими родителями, приехавшими меня навестить. Это у Татьяны Борисовны вечно было стремление кого-то разыграть, над кем-то подиутить, поэтому она и уговорила Отца спрятаться в лесочке и оттуда меня позвать. Я от

радости подпрыгнул и бросился прямо к ним в объятия. Да! Хорошо было сидеть на пригорочке и, пропустив и обед, и ужин, и тренировки, уплетать за обе щёки домашние яства! Но ведь хорошее всегда кончается. Родители уехали, а я снова погрузился в безрадостный быт волейбольного лагеря.

Мой Отец был крайне доверчивым и к тому же абсолютно незлобным человеком. Он всегда удивлялся, когда ему рассказывали разные нехорошие истории про различных людей. Он не верил, что можно вот так вот просто взять и поступить.

Не верил и удивлялся, неужели всё это правда, неужели это действительно так.

Насколько я помню, у моих родителей всегда отсутствовал ген накопительства. Они просто радостно жили, и не более того!

Когда Отец издал книгу, написанную по материалам его докторской диссертации (которую он защитил в безумно раннем возрасте – в 33 года!), и когда он получил за эту книгу свой гонорар в 5 тысяч рублей, то «семейный совет» (во главе с Таточкой) решил приобрести автомашину – «Жигулёнка» какой-то «свежей» марки. Так как Отец был не особо силён в вопросах ухода и ремонта своего личного средства передвижения, то «семейный совет» обратился за помощью к моему дяде Лёше (младшему сыну Ольги Александровны от первого брака). Отец часто прихватывал меня с собою в гараж поковыряться в машине, но поскольку я был так же далёк от этого дела, как и он, то он поручал мне самые элементарные операции типа: придерживать колесо машины или сбегать за гаечным ключом. А с дядёй Лёшей они на пару доводили нашего «Жигулёнка» до рабочего состояния, то есть возможности выехать на нём за пределы гаража.

Один раз Отец и дядя Лёша выкатили наш «Луноходик» на эстакаду и залезли под его днище, что-то там налаживая. И Отец мой как-то там неловко повернулся и, ударившись обо что-то, разбил себе голову. Я помню эту алую кровь, которая всё лилась и лилась по голове Отца, несмотря на то, что он всё время пытался её остановить ватой...

Ну, а когда «кораблик» всё-таки сошёл со ступеней, то тут и настала долгожданная пора многочисленных разездов моих родителей вместе со своими друзьями во все концы нашей великой и могучей тогда Родины.

Довольно часто между своими летними путешествиями Отец увозил меня на своей машине погулять с ним в город Пушкин, а при въезде в сам город заворачивал на заправочную станцию и заливал в свои баки до самого отказа бензин, на котором ездила его машина. Как говорится, «кормил» свою машину до отвала. И что самое странное: она как-то легче и веселее трогалась со своего места в путь. Почему – непонятно!

Нередко в выходные дни Отец вывозил всю свою семью на машине за город собирать грибы. Одно дело, когда ты сам, своим ходом, через лесные буераки, забравшись за тридевять земель, прочёсываешь лесные массивы с целью где-нибудь как-нибудь чем-либо «разжиться-пожиться», зато уж тут - совсем другое дело: прямо всё само собой тебе под самый нос приезжает на блюдечке, да с голубой каёмочкой. Вышел из машины, погулял недалеко от неё в лесу, собрал «урожай», загрузил в багажник и дальше поехал вперёд по шоссе к следующему месту остановки. Хорошо, да и только!

Однажды я обнаружил недалеко от дороги трухлявый старый пенёк, сплошь обсыпанный молодыми сочными опятами, шляпки которых нужно было ножичком срезать, срезать, срезать... срезать и сыпать в заранее подготовленное пластмассовое ведёрко. Редкое изобилие, совсем не часто встречающееся в наших местах.

Вот только уж слишком много машин на дороге стоят – прямо через каждые тридцать-пятьдесят метров. Да и гул по лесу ходит от сплошного ауканья...

Один раз у нас в Ленинградской области выдался просто сумашедший грибной год. Было в то лето очень жарко, часто гремели грозы с проливными дождями, покрывающими благодатную землю Карельского перешейка слоем мягкой влаги, непрерывно впитывающейся в песчанную почву сосновых лесов. То ли совпали различные обстоятельства, то ли ещё по какой-то там причине, но совершенно неожиданно весь Карельский перешеек стал стремительно покрываться молодой порослью грибов, в основном белых. Ну, мама моя вообще с ума сходит от этого дела. А тут просто потоп какой-то на голову вылился...

Прямо как «золотая лихорадка» охватила тогда весь город. С самого раннего утра тысячи людей штурмовали Финляндский вокзал, пытаясь поскорее вырваться из города и побыстрее попасть на «ягодные» места. А грибов тогда было просто видимо-не-видимо! Обычно, когда в электричках возвращаются обратно в город грибники, то они стараются положить наверх корзины самые «лакомые кусочки», «благородные» экземпляры найденных грибов: белые, подосиновики, подберёзовики, маховички, лисички... А тут просто всего навалом было! Я помню, как мы буквально ползали по мху несколько часов подряд и всё собирали, собирали, собирали крепкие молодые боровички с коричневыми круглыми шляпками, буквально пруцие наверх в этом жарком, тропическом, сыром лесу. Где-то порядка 300 штук мы тогда наковыряли во все имеющиеся у нас ёмкости... Кстати говоря, в солнечной Швейцарии белые грибы считаются чуть ли не ядовитыми, ну, а тут такое творилось в тот счастливый удачный сезон...

В моей детской памяти ярчайшим воспоминанием осталась совместная поездка всей нашей семьи в далёкую северную деревушку Ануфриево, куда моя мама вместе с моей ленинградской бабушкой были эвакуированы в военные годы. Когда мы добрались до самой деревни, то нас заботливые хозяева

поместили жить в какую-то полуразвалившуюся избёнку, где мы и прожили весь наш летний отпуск. У хозяев во дворе жил совершенно облезлый старый кот, которого мы все прозвали Блудень. Этакая наглая личность, здорово испортившая нам наш первый завтрак на вольной природе. Утром Отец вытащил из своего рюкзака прекрасную палку полукопчёной колбасы и мы все просто ахнули, поскольку ночью её почти полностью обглодал наш «радушный хозяин». Обглодал – и смылся от греха подальше. Ну, не бить же его за это, тоже ведь живое существо... Вокруг самой деревушки росли довольно замусоренные дремучие леса, а в огромном озере, на берегу которого расположилось само селение, находилось большое количество заросших лесом островков с высокими луками, на которых под жаркими лучами солнца выросло просто безумное количество маслят, которых мы собирали в огромные корзины и вёдра, перевозя свой «улов» на лодке к себе домой. Я до сих пор помню все эти многочисленные эмалированные вёдра с маринованными маслятами, которые мы увезли с собою оттуда домой и содержимое которых так долго доставляло нам радость тёплых воспоминаний об этих прекрасных и беззаботных днях нашего с сестрой детства.

На первомайские праздники мои родители часто уезжали на своём «Жигулёнке» на отдых в Прибалтику, иногда в качестве подарка прихватывая с собою семью своих детей...

Когда мы через несколько часов с остановками добрались до пограничного русского городка Иван-город, время уже клонилось к вечеру. Мы вылезли из машины и с удовольствием размяли свои затёкшие конечности, облизав развалины старой-престарой русской крепости на берегу реки, отделяющей нас от эстонского города Нарва, куда мы и переехали, наконец, на ночлег. А на следующее утро отец повёз нас на побережье залива. Честно говоря, ничего особенного там я не увидел: залив как залив, такое же побережье, как и у нас дома, на берегу Финского залива. Только везде было чисто, в отличие от «родных пенатов», где всё загажено донельзя – до таких масштабов, что финская сторона, взявшаяся было вернуть себе обратно захваченную Советским Союзом во время войны 1939 года довольно большую территорию в самых престижных ныне курортных местах, увидев степень безобразия на своих «родных вотчинах» и прикинув в уме, во что может обойтись восстановление утраченного богатства, решила оставить этот вопрос в покое.

Отец был утомлён столь долгим переездом, да и здоровье его уже начало сильно пошаливать вследствие всех его сердечных недугов. В то утро было очень солнечно и безветренно. Я помню, как отец тяжело подошёл к какому-то прибрежному валуну и присел на него, глядя на огромные торосы льда, прибитые к берегу и громоздящиеся друг на друге. Солнце припекало, и в воздухе стоял такой тихий-тихий непрерывный шорох. Это подтаявшие сверху мириады хрусталиков льда обрушивались вниз и горы льда и спрессо-

ванного снега потихоньку с шелестом медленно оседали на прибрежный песок. Что-то было неуклонно злое в этом тихом гуле, наполнявшем воздух вокруг, как неуклонно поступательное движение человеческой жизни от её начала к неизбежному концу. Кто-то из мудрых сказал в своё время: человек начинает стареть с самого первого дня своего рождения...

Одним из самых ярких воспоминаний об этой поездке у меня осталось впечатление от нашей ночёвки в городе Таллин. Дело в том, что вот так вот, с лёту, приехать и разместиться в городской гостинице не представлялось тогда возможным из-за массового наплыва туристов в эту «советскую заграницу», где снимались практически все «европейские» кадры советских фильмов. И наших туристов, и действительно заграничных. Отец предварительно договорился через связи и знакомства в своей научной среде о том, что для нас будет забронировано место в каком-то особняке, стоящем на балансе у организации типа «прибалтийского Дома учёных». Оказалось, что в тот вечер, когда нас туда запустили на ночлег, весь дом был совершенно пустым. В нём никого, абсолютно никого не было! Мне и моему семейству выделили отдельный обширный номер с многочисленными мягкими диванами, а Отец со своей любимой Таточкой поселился в соседнем номере, где моя мама вечером кормила его ужином из так горячо любимой им кровяной колбасы.

Приходила к нам в гости на Московское шоссе одна весьма пожилая, но очень активная женщина – Серафима Осиповна Абламович. Она всегда помогала моей матери готовить разную еду и неизменно приносила отцу маленькую баночку маринованного протёртого хрена, приготовленного собственными руками. В подарок! От которого мой Отец был просто без ума!!!

Что там такое случилось, почему она оказалась вовлечённой в буйный водоворот нашей жизни (устроенный нашей всеми любимой Таточкой), для меня долго оставалось загадкой. Хотя я довольно быстро перестал задумываться об этом и принимал её появление как должное.

Именно ей принадлежала эта знаменитая фраза: «Эти ослепительные Булахи!»

Да, давно это было...

А не так давно Татьяна Борисовна открыла мне «секрет» её появления в нашей семье. У неё был сын Лёва, которого «забрили» в армию то ли за неуспеваемость, то ли ещё по какой-то причине. А когда он отслужил положенное и попытался вновь восстановиться в институте имени Бонч-Бруевича, в котором уже работал мой Отец, то ему отказали, и Отец мой пошёл к ректору института и «вступился» за единственного сына этой женщины. В результате он был восстановлен, а обезумевшая от радости мать его поклялась регулярно приносить в подарок моему Отцу маленькую баночку хрена.

Я слишком, слишком часто доставлял своим родителям разочарования своими необдуманными и глупыми поступками. Одно из них, как мне кажется, было наиболее болезненным для моего Отца.

Когда я вслед за сестрою, с большим трудом закончив физико-математическую школу на одни четвёрки и пятёрки, поступил на физический факультет университета, то мотаться туда в Петергоф из города каждый день мне было просто уже не под силу, так как дорога в один конец занимала порядка трёх-четырёх часов. Можно было, конечно, устроиться и жить в общежитии для иногородних, но к этому времени я уже успел жениться, и на чаше весов безусловно перевесило моё желание оставаться в городе возле своей семьи. Поэтому учился я ни шатко ни валко, с единственной целью проскочить очередной семестр, чтобы не быть отчисленным с факультета по неуспеваемости.

Такое положение вещей весьма уязвляло мою гордую натуру, поэтому напоследок я собрался с силами и сдал последнюю сессию на одни пятёрки, чем привёл в замешательство свой деканат, так как они были вынуждены начислить мне «на прощание» повышенную стипендию – человеку, шесть лет балансировавшему на грани вылета с факультета. Сдавал я все экзамены, грубо говоря, с налёту, последние трое суток судорожно вколачивая в свою голову многочисленные тома книг разных умных людей по физике и математике. Все эти «знания» со свистом вылетали из моей головы уже на следующий день, освобождая место для новой загрузки очередной порции к следующему испытанию. И надо же было такому случиться, что любимый предмет моего Отца – теоретическую механику – я умудрился сдать на три бала, так как погорел на каком-то элементарном вопросе, заданном мне напоследок моим экзаменатором. Он был настолько поражён, настолько шокирован моим вопиющим невежеством, что не смог поставить мне твёрдо заработанную «отличную» оценку, а влезил в сердцах то, что я уныло привёз домой в своей зачётке....

Да. Как любит говорить муж моей сестры Володя Жулин: и у больших мастеров бывают маленькие ошибки!

Только уж больно не к месту и не ко времени.

Тяжело смотреть на то, как постепенно угасает человек. Ведь Отца беспрерывно мучили тахикардия и аритмия сердца, на которых он и «заработал себе» два первых инфаркта. «Два звоночка», – как любил он мрачно шутить по этому поводу.

Уж, как он только не боролся против своих недугов... И санатории различные профилактические, и различные лечебные лекарства... Мази там всякие, гепариновые. Всё без толку.

Да и кровь у него была достаточно густая, предрасположенная к образованию в ней тромбов. А тромб - это дело такое: оторвётся от стенок сосуда и пойдёт себе гулять куда захочет. А где ему взбредёт в голову, там и остановится. На ночлег. И не только для себя...

Отца несколько раз увозили в больницу в преддверии конца. Последний приступ случился ночью, когда его стало рвать вместе с кровью, и он едва не потерял сознание. Когда я пришёл к нему в больницу за два дня до его смерти, то выглядел он просто прекрасно: свежее, помолодевшее лицо, живые глаза, весёлая с юмором речь. Я тогда не выдержал и сказал ему, что, может быть, я ровным счётом ничего не понимаю в медицине, но выглядит он очень хорошо. А потом пришёл врач и сказал, что у него очень неважный состав крови, что, возможно, все эти его приступы были вызваны повышенным содержанием холестерина в крови с возможным образованием тромбов и соответствующей реакцией на них организма. Я помню, как тогда погас свет в глазах отца, и он через силу стал диктовать матери, что нужно ему купить различные лекарства против образования тромбов в крови... и так далее, и тому подобное. Только толку-то что? Мёртвому припарки...

А через день в 6 часов утра мне домой по телефону позвонила Катя и сказала дрожащим голосом, что

Папа умер.

Всё. Мир рухнул вокруг меня. Я всегда считал себя как-то защищённым от его невзгод и несправедливостей. И вся эта моя «защита» рассыпалась как карточный домик в мгновение ока... Я помню, что машинально переспросил Катю по телефону о том, когда это произошло, но что в этом было толку...

.....

Когда мы все утром подъехали в больницу, расположенную недалеко от Кировского завода, то к нам навстречу вышел его лечащий врач и, узнав, кто мы, очень горько посетовал на то, что так вот всё произошло. Что ничем они помочь моему Отцу не смогли. А он был в ту ночь очень спокоен и весел, шутиливо с ними со всеми разговаривал.

Вплоть до самого конца.

Прекрасно он всё понимал, прекрасно. Только держал себя в руках и не устраивал истерик. Дай бог каждому так достойно встретить свой конец.

Врач предложил нам пройти к нему, от чего мы все в ужасе отказались. Это было уже слишком для нас.

Я помню, что возвращался домой пешком по Невскому проспекту, и всё, что было вокруг меня, носило неизгладимый отпечаток его смерти.

А потом наступил день похорон отца, когда мы все вновь приехали в морг этой больницы. И нужно было вынести гроб с его телом и погрузить в траурный автобус, чтобы добраться на нём до здания крематория на самом

краю города. Почему-то мне не дали участвовать в этом деле, и вместо меня своё плечо подставил под гроб мой зять Володя.

А потом всё поплыло, поехало по накатанной колее...

Когда мы последний раз прощались с Отцом уже в одном из залов крематория, когда мы все, всей нашей семьёй, стояли рядом с его гробом и слушали, как в тумане, траурную музыку, то я заметил, что кожа под левым глазом Отца была судорожно сжата, придавая всему его лицу страдальческое выражение.

Я не стал подходить и целовать его на прощание. Почему? Не знаю.

А когда всё закончилось, мы все поехали на Ленинский проспект на поминки. Я как раз поздно вечером перед этим тяжёлым днём чинил на кухне перегоревшую лампочку вместе с цоколем. И сначала всё сделал как-то неладно, грубо, нелепо... А потом, когда успокоился, то всё переделал так, как это нужно было сделать с самого начала. «В стиле Бориса Михайловича», как я мрачно тогда пошутил.

Но «шутка» моя так и повисла без ответа на кухне, где в гробовой тишине готовили еду к завтрашним поминкам тётя Нина (Нина Фёдоровна Беляева, близкий друг моих родителей) и тётя Надя (папина младшая сестра, приехавшая к нам из Саратова). «Боже мой! Какое счастье, что мама не дожидается до этого дня», – прошептала тогда тётя Надя.

А потом все уселись за стол, за общий стол, на котором было сыграно столько увлекательных карточных игр. Все молча и мрачно сидели за столом, не глядя друг на друга.

И тогда встал отец Володи, Игорь Васильевич Жулин, и сказал:

«Давайте помянем Бориса Михайловича. Хороший был мужик!»

И все встали и выпили за его память.

Мне было больно. Больно настолько, что я вышел из-за стола и ушёл в соседнюю комнату, чтобы подавить в себе слёзы.

Я очень любил своего Отца.

Помещая выборочно воспоминания моего сына Андрея о своём отце, я не смогла не поместить его воспоминаний о его «бабуленьке», написанные с большой любовью и нежностью. Речь идёт о Евгении Степановне Великомской, подруге моей матери Ольги Александровны Извековой.

И ещё. Мой сын называет меня по имени и отчеству потому, что он писал свои воспоминания для племянника Васи Жулина.

Бабуленька

Я так мало общался со своей няней, со своей бабулечкой, что в памяти у меня практически ничего не осталось кроме ощущения бесконечного добра ко мне и моего тихого счастья в детстве. Да и в более зрелом возрасте тоже...

.....

Бабушка Женя жила в Ленинграде отдельно от всех в крохотной комнатке в коммунальной квартире на улице Жуковского. Однажды у неё разбилось окно, выходящее в колодец её двора. Или же его разбили рабочие, которые что-то там ремонтировали. Короче говоря, стекло ей должен был вставить ЖЭК, средствами которого проводился этот ремонт.

Но ведь всем же всегда на всё было наплевать!

Тем более что речь шла о какой-то одинокой старушке, которая уже на ладан дышит, да и вообще – есть дела поважнее. Вот так вот всё это и продолжалось, пока выведенная из себя Татьяна Борисовна не отправилась в ЖЭК и не представилась внештатным корреспондентом «Вечёрки», пообещав «прославить» этот ЖЭК «за абсолютно наплевательское отношение к людям!»

Переполох визит нашей Таточки вызвал изрядный. Как по мановению волшебной палочки тут же появились услужливые работнички и быстренько всё сделали.

.....

Я очень часто забегал к своей бабулечке, и она кормила меня своими котлетками с картофельным пюре. Какое же это было чудо... Да ещё, если всё это залито мясной подливкой! Да вприкуску с солёным помидорчиком!

Когда бабушка приезжала к нам домой на Московское шоссе со своей улицы Жуковского, то я, увидя её в окошко, срывался с места, выбегал на улицу и бежал ей навстречу. И не за котлетками, которые она мне обычно привозила, а потому что я её очень любил, любил, пожалуй, больше всех людей на Земле...

Она умерла 13 августа, когда ей было 92 года.

Этот день навсегда врезался в мою память.

Я в то лето был как всегда в стройотряде, в моих любимых «Комах». В то лето оттуда я смог дозвониться до неё, и меня поразил тогда её голос. Она очень обрадовалась моему звонку, что-то стала мне говорить, но всё это было как-то не совсем нормально...

Было ощущение какой-то отрешённости от всего земного.

А через пару недель я совершенно случайно в штабе отряда увидел брошенную на стол телеграмму на моё имя, сообщавшую мне об её кончине. Я бросился в Ленинград, ещё надеясь, что смогу успеть на её похороны (благо на самолёты с такой телеграммой тогда сажали без всякой очереди). Точнее, я страстно хотел успеть в крематорий (будь он не ладен), чтобы ещё раз её увидеть.

Как я ни пытался, как я ни старался, как я ни рвался обратно домой, но я всё же опоздал. Я примчался в Крематорий, когда всё уже было кончено, и никого там не застал. Может быть, всё это и было к лучшему...

Когда вечером все мои родственники собрались на поминки в нашей квартире на Московском проспекте, то меня прорвало... Я ушёл в ванную и безудержно там рыдал, стучаясь головой о кафель. Отец тогда как-то странно посмотрел на меня, когда я весь растерзанный всё-таки вернулся к общему столу, и сказал такую фразу:

«Да... О нас с матерью ты так переживать не будешь...»

Он был не прав!!!

(По крайней мере, в отношении себя).

Я пил водку за столом и не пьянел. Не пьянел, потому что всё это добро мы в таком количестве через себя прокачивали летом в наших стройотрядах, что у меня выработался иммунитет против этого зелья.

Перед отлётом обратно я поехал к бабушке Жене на улицу Жуковского, в её комнатку. Я хотел побыть там один... По дороге я купил бутылку какой-то самой омерзительной сивухи (типа «Степной»). Дверь в бабушкину квартиру мне открыла одна из мерзких сестёр-татарок. Она ничего мне не сказала, только сама открыла мне ключом дверь в бабушкину комнату и оставила меня там одного.

Это такая, Вася, тоска – сидеть в мёртвой комнате и знать, твёрдо знать, что сейчас не раздадутся шаркающие шаги по коридору, и в комнату не войдёт моя дорогая бабушка. Я долго молча сидел на её диване, откупорив бутылку, но ни грамма из неё не выпил.

Через некоторое время сюда позвонила Татьяна Борисовна и со слезами в голосе очень меня просила уйти оттуда, поскольку делать там мне больше было ничего.

Ещё одна страница жизни безвозвратно перевернулась.

Я взял с собой бабушкины очки (такие большие круглые очки в роговой оправе), которые, как всегда, со временем куда-то потерялись. Как и всё, что было мне дорого и любимо...

Память, память, память...

Только в ней сохраняется образ любимого человека, не давая ему утонуть в реке забвения.

А мою дорогую бабушку Женю я помню с самого раннего своего детства. Она для меня была всегда, и я её всегда любил. Любил гораздо сильнее, нежели своих родных бабушек. Любил, потому что она была всегда рядом со мной и всегда любила меня и Катю **беззаветно**, как может любить только человек, потерявший в своей жизни всё, что у него было, но вновь возродившийся к жизни через меня и мою сестру.

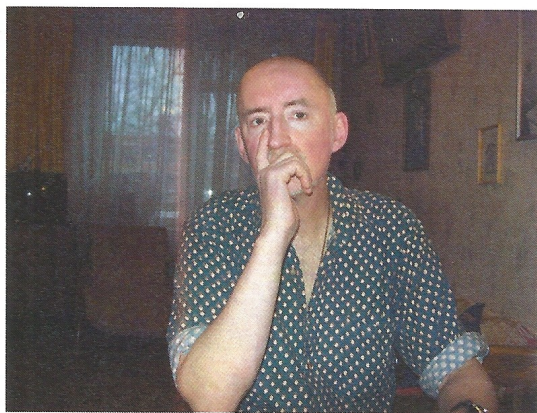

*Да. Вот так вот совершенно незаметно проходит мимо тебя жизнь...
Не успел ещё на свет появиться, а уже вроде бы пора в путь-дорогу даль-
ною отправляться.*

Всё сущее бренно!

Увы, увы...

*Спираль жизни, а точнее, её виток, потихонечку, потихонечку подходит к
своему завершению.*

**** Глава 6.**

Григорий Иванович Булах

Мои воспоминания о двоюродном брате, Борисе Михайловиче Булахе, для меня лично очень непростые, если не сказать - ответственные и даже сложные.

Его жизнь и деятельность, в силу специфики его научной деятельности, для меня в полной мере остаётся и по сей день малоизвестной.

Образ Бориса Михайловича, хотя и запечатлённый в моей памяти всего лишь тремя краткими встречами, остаётся неизменно ярким и дорогим для меня, к тому же сочетается с образом его милой жены Татьяны.

Он и доныне постоянно стоит перед моими глазами: высокий, улыбающийся, с открытым, художавым красивым лицом, спокойный, малоразговорчивый, с едва уловимой хрипотцой, кратко и точно излагающий мысль, деловито-толковый в словах и решениях, всегда напоминающий мне почему-то типичный образ скандинава (может быть, это как раз и есть отголосок давнего кровосмешения, ещё с далёких времён российско-шведской войны 1709 года). Ведь в период этой войны, король Швеции Карл XII останавливался в селе Пески на Полтавщине (это село моих родителей), а с воинами того времени нередко шли в поход за своими мужьями, старшими по чину командирами, их жены. Многие из шведских воинов после кровавого поражения в битве под Полтавой, будучи тяжело ранеными, оставались по многим селам Украины навсегда. Среди них много было как семейных, так и просто одиночек-воинов. Со временем они приживались в украинских селам, некоторые из них женились на сельских украинских девушках, приставали в «приимы», заводили свои семьи, не думая о возвращении к себе на родину.

С годами сменилось не одно поколение, и постепенно потомки шведов смешивались с местными жителями, теряли со временем, свои национальные корни, забывали родную речь, становились такими же простыми сельчанами, не копясь в своем прошлом. Такой генетический коктейль, как всегда, способствовал обновлению крови, рождению одарённых и талантливых личностей.

У нас в селе было огромное и глубокое озеро. В нем Карл XII когда-то купал своих коней. С тех пор и доныне оно называется «Карловым озером». Тема шведов и украинцев часто была в разговорах односельчан одной из увлекательных тем.

Меня почему то всегда интересовала этимология нашей фамилии Булах. Она остаётся для меня загадкой. Но всегда, как и ныне, хотелось знать мне, кто же эти Булахи? Какая их родословная? Ответить на этот вопрос почти невозможно, тем более, что корни-то свои мы небрежно затеряли в вечности.

Позже я как-то случайно вычитал в одной статье, что в переводе с гре-

ческого слово «*bola*» означает молния, Перун. В средние века это была императорская грамота или, точнее сказать, постановление, послание, распоряжение, издаваемое римскими папами. Отсюда ли произошла наша фамилия? Так это или не так, исчерпывающего ответа на этот вопрос нет. И что-либо утверждать очень трудно. Но по преданиям и по собственным исследованиям я знаю только то, что Булахи были очень ловкими людьми, независимыми. Паницина их не коснулась, они были людьми вольными. Понятие этой вольности в Россию принесли как раз шведы, далёкие от домостроевщины, опередив многие страны Европы и тогда, и теперь.

По какой линии досталась лично нашему роду такая вольница, установить трудно. Крепостное право нас не изувечило. Что же касается жизни Булахов и их средств к существованию, надо отметить, что главным ремеслом для нашего рода была свобода – охота, лесничество, домашнее хозяйство, служба в графских имениях, независимое ведение хозяйства, возделывание земли и, в меньшей мере, рыбалка.

Хотя, надо сказать, что небольшая, но удивительно красивая речушка Артополот при весенних разливах (это уже и я помню) подтапливала и нашу огромную хату, крытую соломой, подкрадываясь едва ли не под самые окна.

А еще одна яркая памятка была у нас – это огромный высоты и размеров сарай. Естественно, что корова была неотъемлемым членом нашей огромной семьи, почти на всю жизнь.

Когда приезжал из России родной брат отца Михаил Дмитриевич Булах, а приезжал как-то раз не один, а с сыном Борисом, то малыши, узнав откуда моя бабушка Мария носит молоко, подбегал к ней и, остановив её в садике, между вишен, вставал на коленки и жадно пил тёплое парное молоко прямо из ведра, только-только выдоенное, из-под коровы. Кстати сказать, у нас осталась маленькая фотография двоюродного брата Бориса тех далёких лет.

Неизгладимо в памяти еще одно свойство Булахов: были они очень хорошие ловчие. Пересказывают, что мог пойти ктонибудь из них на охоту и принести живого зайца, пойманного голыми руками! Помню, что дядя Миша об этом мастерски любил рассказывать во время охоты.

При первой же встрече Борис поразил меня присутствием необыкновенной харизмы, теплоты в глазах, простоты в общении, присутствием врожденной естественности, мягкостью характера, что полностью и несомненно соответствует типичному образу прежде всего украинца, уверенного в себе, преисполненного силы воли, степняка-полтавчанина, физически очень крепкого и подвижного, большого любителя путешественника (кстати, со своей женой Татьяной он исколесил на автомашине огромные пространства нашей бывшей большой страны).

Из всего того, что мне известно, следует отметить, что Борис Михайлович Булах – личность страстная, увлекающаяся, очень легкая на подъем, но в то же время, умеющая сконцентрировать в себе неуёмную энергетику

действия – как в науке, так и в быту.

Он всегда готов в поход, в нём присутствует, как и во всяком украинце, жажда познания неизвестного и обязательно с присутствием какой-то скрытой изюминки тонкого юмора, что также свойственно многим известным и выдающимся ученым. Но при всём этом ему абсолютно не свойственны такие черты, как замкнутость, канцеляризм, кичливость и, главное, не было эгоистического желания жить в самом себе.

Жена Бориса Михайловича, Татьяна, вспоминая Бориса, говорила, что это была та энергия, которую можно «запустить» мельчайшей искоркой. Это, как вспоминают о нём друзья и близкие, – неугомонный мотор.

Борис Михайлович всегда был легким на подъём, общительным, любознательным и широко образованным человеком. Хорошо знал произведения выдающихся писателей, художников, любил оперу, эстраду, широкие и раздольные песни в исполнении его любимых певцов Георга Отса, Ивана Козловского, Юрия Гуляева, в меньшей мере увлекался театром. Особое внимание уделял произведениям живописи, любимым музеем был Эрмитаж, который он знал так, что мог бы работать в нём гидом.

Когда они с Татьяной после путешествия на своей машине по Крыму и заезда к моим родителям на Полтавщину в село Пески, родину отца Бориса (то есть моего дяди Миши), приехали ко мне в Киев (и это была наша первая встреча), он рассказывал, как они с Таней, будучи в Москве, с трёх часов ночи занимали очередь на выставку картин, привезённых из Дрезденской галереи.

Но из всего этого самым дорогим было для него увлечение путешествиями на своем любимом «жигуленке». На нем он изъездил всю страну, побывал и в родном краю поэта Сергея Есенина, наверно, прикоснулся к каждой былинке, которая генетически могла помнить прикосновение и дыхание рязанского поэта.

Мелколесье. Степь и дали.

Свет луны во все концы.

Вот опять вдруг зарыдали

Разливные бубенцы.

.....

Шот, кто видел хоть однажды

Этот край и эту гладь,

Шот почти березке каждой

Ножку рад поцеловать.

О двоюродном брате Борисе и его сестре Надежде я знал только то, что они всецело были поглощены учёбой в вузах. Борис, как помнится мне, всю свою жизнь посвятил науке – аэродинамике. Позже узнаю, что он на заседании Ученого совета механико-математического факультета Московского университета в 33 года успешно защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора физико-математических наук.

Мать Бориса Михайловича Булаха, тетя Ольга, была чистых кровей казачка, о каких так высокоталантливо и правдиво писал в своих произведениях выдающийся писатель Михаил Шолохов. Она, как я часто слышал от своего отца, была прототипом центральных героев его гениальных произведений

Родители Бориса

Хотелось бы хотя бы в общих чертах сказать о когда-то большом казацком роде.

Род Булахов берет свои истоки из удивительнейшего красотой, привлекательностью и месторасположением в Украине (в Лохвицком районе Полтавской области) села Пески. Если исходить из чисто внешних характеристик, то здесь надо чётко подчеркнуть, что все Булахи были высоки ростом, поджарые, к тому же очень преданные своему древнему казацкому роду и существующим национальным традициям.

Несколько слов о родословной Бориса Михайловича Булаха.

Его отец, Булах Михаил Дмитриевич, родился в крепкой многодетной семье. Казацкие гены имеют очень сильную пробивную силу и очень ярко были отражены в моём дяде Мише. Он, как мне помнится из рассказов, всегда неудержимо рвался в поиск самого себя, искал вольницу для своей души и сердца. Он одним из первых сыновей моего дедушки Дмитрия Кузьмича Булаха, покинул родное село Пески, свою милую Полтавщину и уехал из дому искать самого себя и свое счастье и тем самым подтвердил своей жизнью и дея-

тельностью бытующую у нас украинскую поговорку, что «нашего цвету - по всему свету!»

Так оно и есть.

Тогда, а тем более сегодня, трудно назвать то место в России, где бы не оставили свой добрый след выходцы из столь необыкновенного края, как Украина.

Очень туманно, но все же помню Надежду Михайловну Булах, мою двоюродную сестру, родную сестру Бориса Михайловича, которая единственный раз побывала в Украине, будучи, кажется, еще студенткой Саратовского университета. Припоминаю, что я её до слёз насмешил одной из моих немых комических сцен (я увлекался тогда искусством пантомимы), владел этим жанром, как оценивали позже, уже в институте, коллеги и преподаватели, блестяще. Мне приходилось выступать с номерами пантомимы на многих сельских сценах, но на этот раз я «сыграл» одну из сцен для Надежды Михайловны дома, на Лохвичине. Помню, что она была в восторге, смеялась до слез, выкрикивала «браво» и тогда же сказала мне: «Быть тебе, Гриша, артистом!» И не ошиблась. В скором времени я действительно стал студентом актёрского факультета Киевского государственного института театрального искусства имени Карпенко-Карого.

Словом, все они – саратовские Булахи – были для нас очень дороги, не только продовольственной помощью во время искусственного голодомора на Украине, но и, прежде всего, своим вниманием и пониманием той смертельно губительной политики, которая умышленно проводилась сталинским партийным руководством по отношению к Украине и ее народу.

Читая книгу «Преодоление», я ощущаю врожденную энергетику Татьяны Борисовны, её изумительную точность воспроизведения всего пережитого всем народом и лично ею, касающуюся как трагической истории собственного рода, так и страны, в которой она живет.

Она, как подчеркнуто во вступительной статье к её первой книге воспоминаний «Преодоление», «не будучи ни политиком, ни общественным деятелем, ни писателем» сумела на одном дыхании, взмахом выплеснуть с такой силой, глубиной пережитое и с такой последовательностью не только передать, но и пережить тяжкие события тех грозных лет, воспроизвести до тончайших деталей всё пережитое её родом, её отцом, и ею самой. Очевидно, поэтому эти воспоминания «читаются не только на одном дыхании», но и со слезами на глазах. Эти воспоминания, подтверждённые конкретными документами, и составляют особую ценность как суровый, осуждающий документ тотального насилия над личностью со всем последующим кошмаром тех грозных лет, которые переживал весь советский народ от Нарвы и до окраин.

Эта книга не что иное, как один из ярких обличительных документов, изложенных личностью, которая не по наслышке, а на плечах своего отца ощутила грозные лапы совдепии и ее палачей, которые были призваны вы-

бить, растоптать, изуевчить и сломать те интеллектуальные силы, которые должны были стать основой подъёма и развития молодой на то время страны.

Для Татьяны, как я вскользь улавливаю из ее биографической исповеди, это совершенно иная, особенная страница в жизни уже потому, что страницы «Преодоления» и «Возвращения» есть своеобразный мостик к познанию или открытию чего-то очень личностного и, главное, правдивого, за которым вырисовывается нечто общечеловеческое, трогательное душу. Может потому это и убеждает меня как читателя, что книга уже не принадлежит автору по той причине, что заставляет думать порой не о тексте автора, а, благодаря автору, позволяет погрузиться в свой мир воспоминаний, помыслить о чём-то своём, о параллельном мире, где начинают оживать в ассоциативном ряде твои невысказанные, ненаписанные лично тобой какие-то сокровенные страницы, которым хочется стать также явью для многих...

Это сопереживание не только с чьими-то неизвестными судьбами, это камертон для тебя самого, где угадываются фрагменты пережитого тобой. Читая страницы воспоминаний Татьяны Булах, почему-то хочется сказать о чём-то своём, может, не в меньшей мере трагическом, что проектируется на твою жизнь, на твой родной край, со всеми его радостями и трагедиями.

Сколько же горя пережила жена моего брата Бориса Михайловича – Татьяна Борисовна Извекова, она же Татьяна Булах, дочь выдающегося ученого, профессора Ленинградского Университета, который, как и его 127 коллег – профессоров, доцентов и преподавателей – по делу № 555 были объявлены «врагами народа» в апреле 1942 года и приговорены к высшей мере наказания – расстрелу.

Фрагмент собственноручно написанных показаний обвиняемого Извекова Бориса Ивановича, которые его принудили написать 31-го марта 1942 года кегебисты, достаточно чётко может демонстрировать настроения и видение того времени – не только его личное настроение, но и настроение всех приговоренных по этому делу.

Завершая свои отрывочные и не очень систематизированные воспоминания о нашем украинском роде Булахов, я продолжаю быть под сильным потрясением о всем пережитом Татьяной Извековой-Булах. Наиболее меня поражает большевистская, сталинская идеология уничтожения миллионов. В их число попали учёные и преподаватели вузов Ленинграда, убитые в стенах сталинских тюрем.

Поэтому не могу не откликнуться поэтическими строфами, которыми я завершаю свои раздумья о пережитом не только Татьяной Извековой-Булах, но и всеми нами.

«ВРАГИ НАРОДА»

(Татьяне Извековой-Булах – дочери «врага народа» Бориса Ивановича Извекова
и сотен других ленинградцев, жертв «дела № 555»)

К ним в дверь прикладом грозно не стучали.
Их тихо брали с кафедр и лабораторий.
За ними шли в шинелях наглые сучары –
В НКВД их гнали так, как в крематорий!

Хотелось детям крикнуть: Папа!
И женам крикнуть: Вы куда, отцы, мужья?
На пытки их вели, чтобы вину состряпать,
Вины признание выбить
Под дулом пистолета и ружья!

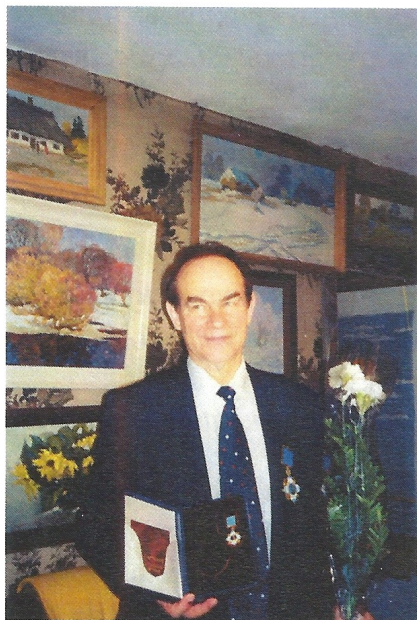
Их навзничь клали на бетонный пол.
Шипели гадами в лицо и гнустно измывались.
Ну, говори, жидяра подлый, и хохол!
Мы изгноим вас всех!!!
(Убить пол-человечества пытались!)

Сатрапа Сталина не умолкала мясорубка,
Страшнейшее изобретение былого века!
Дымилась под усами сталинская трубка –
Так умирали Кошляковы, Розе и Извековы!

Враги народа, – говорите, подлые подонки?!
Для вас врагами был народа цвет!
И где вы – те, что добивали их с винтовки?
И кто из вас за злодеянья даст ответ?!

*Не там врагов искали вы в стране, Иуды!
Врагами были - вы! Энкаведисты-палачи!!!
Вас всех – под суд!!! Подлейшие приبلуды!
Вас всех на суд!!! Об этом мир кричит!*

*Вам не простят слезинку бедного дитяти!
Вы все в тени, как тот ползущий гад...
Мы и сегодня шлём вам всем свое проклятье,
Кровавые убийцы, сталинских бригад!!!*

Г.И. Булах

Фото в момент вручения Григорию Ивановичу президентом Украины Л.Д. Кучмой высшего ордена Украины Ярослава Мудрого. Григорий Иванович – заслуженный артист Украины, художник, поэт, писатель и режиссёр.

**** Глава 7.**

После смерти Бориса коллеги по Саратовскому университету посвятили отдельный выпуск сборника «Аэродинамика» его светлой памяти.

Ниже я привожу текст вступительной статьи из этого сборника.

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ БУЛАХ

21 января 1987 скончался профессор, доктор физико-математических наук, крупный специалист в области аэродинамики Борис Михайлович Булах.

Б.М. Булах родился в г. Ставрополе (Северный Кавказ) в 1929 г. После окончания школы в г. Саратове учился с 1946 г. по 1951 г. на механико-математическом факультете Саратовского университета. После окончания университета поступил в аспирантуру СГУ, его руководителем был профессор С.В. Фалькович.

Учёба в аспирантуре была закончена в 1954 г. с защитой диссертации на степень кандидата физико-математических наук «К теории нелинейных конических течений».

Исследованию свойств конических течений посвящено большинство работ Б.М. Булаха. В нескольких из них разрабатывались сложные вопросы построения схем обтекания стреловидных крыльев сверхзвуковым потоком газа. Теоретически предсказанное Б.М. Булахом образование системы ударных волн при обтекании стреловидных крыльев было в дальнейшем подтверждено в экспериментах канадского учёного С. Фауэлла и английского учёного У.Тредголда, которые поставили опыты по проверке теории Б.М. Булаха.

В своих исследованиях Б.М. Булах изучал особенности течений в области, где коническое течение примыкает к однородному потоку вдоль конуса Маха, в точке затухания ударной волны на конусе Маха, в точке соединения простой волны и течения после конуса Маха. Для всех этих случаев им было выяснено асимптотическое поведение параметров течения вблизи особых точек. В работах Б.М. Булаха исследовалась задача сверхзвукового обтекания круглого конуса под углом атаки. Им впервые построено решение в окрестности конуса с учётом особенности Ферри.

Все эти результаты легли в основу диссертации Б.М. Булаха «Нелинейные конические течения газа» на соискание учёной степени доктора физико-математических наук, успешно защищённой на Учёном Совете Московского университета в декабре 1962 г.

С 1954 до 1964 года Б.М. Булах работал в Саратовском университете на кафедре теоретической механики и аэрогидромеханики. В 1964 г. Б.М. Булах переехал в Ленинград и работал в Ленинградском электротехническом институте связи, а затем с 1973 г. – в Ленинградском гидрометеорологическом институте на кафедре математики и гидромеханики.

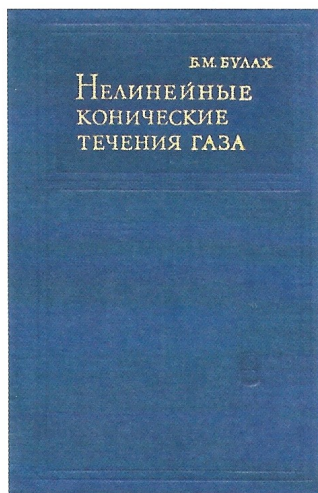
Результатом многолетней работы явилась фундаментальная монография Б.М. Булаха «Нелинейные конические течения газа», изданная в 1970 г., в которой нашли отражение большое количество работ, выполненных по исследованию конических течений газа советскими и зарубежными исследователями. В этой монографии впервые в мире отражены все существенные вопросы по теории нелинейных конических течений газа, описаны как аналитические, так и численные методы исследования таких течений.

Надо отметить, что деятельности Б.М. Булаха свойственна широта научных интересов. Его занимали не только исследования конических течений газа, которым он отдавал много внимания. Им выполнены работы по исследованию вязких течений жидкостей и газа, течений в пограничных слоях, течений около затупленных тел, по динамике атмосферы, в которых получен ряд значительных результатов.

Б.М. Булах обладал способностью не только проводить фундаментальные исследования, но и умением доступно объяснять сложные вопросы науки. Он являлся неизменным участником всех Всесоюзных съездов по механике, на которых выступал с докладами, представляющими большой научный интерес.

Б.М. Булах был требовательным и добрым воспитателем молодёжи, общение с ним приносило большую пользу начинающим и зрелым исследователям.

Авторы статьи данного сборника посвящают свои работы светлой памяти профессора Бориса Михайловича Булах, который являлся членом редколлегии сборника во всех предыдущих его выпусках.

Автобиография.

Я, Булах Борис Михайлович, родился 10 июня 1929 г. в с. Славянское (С.Кавказ) в семье фермерско-инженерского отца, Булах Михаила Дмитриевича, 1901 г.р., уроженца села Пески, Тамбовской губернии УССР, до революционных преобразований, после революции – восточнотатарской. Воспитание получил – полностью в очной школе, затем в школе, где КПСС с 1936 г. Мать, Булах Ольга Ивановна, 1906 г.р., учительница в Славянском, до революции – преподаватель, после революции – инженер. В старшей школе не окончил; окончил школу в сельской Советской школе, где КПСС с 1939 г. В техникуме и техникуме в городе изучал в 1940 г. и 1941 г. по специальности физика. С 1939 г. по 1941 г. в Саратовском индустриальном институте, где окончил ин. Физ. в 1941 г. В сентябре 1942 г. вступил в ряды ВЛКСМ, начал работу инженером в 1942 г. В 1946 г. поступил в Саратовский университет на механико-аэродинамический факультет, который окончил в 1951 г., после чего три года работал аэродинамиком в 1951 г., по окончании аэродинамической школы и после окончания этой работы в университетском институте работал инженером, а также с 1955 г. занимался научной работой в области механики и гидроаэродинамики. Работал и в институте физики. В 1950 г. вступил в брак с Шкельовой Валентиной Григорьевной, 1926 г.р., уроженкой г. Мичуринск. После окончания в 1955 г. аспирантуры при институте ФТИ, в это время начал работать инженером – физиком ин. разряда в институте ФТИ с 1956 г. С 1956 г. в Саратовском институте физики: Булах Евгений, 1922 г.р., Булах Анатолий, 1926 г.р., ассистент, Булах Николай Михайлович, 1927 г.р., ассистент в Саратове ФТИФ; работал инженером – физиком ин. разряда в Саратове ФТИФ.

Б. Булах

3. IV. 1987 г.

В этом – 2010 году – в Саратове к столетию Саратовского университета вышло двухтомное издание «История Саратовского университета 1909-2009».

Мои друзья из Саратова прислали мне оба прекрасно изданные тома, читая которые, я не могла оторваться.

Для меня оказалось приятной неожиданностью, что законопроект об основании Саратовского университета был подписан царём Николаем Вторым с резолюцией «Быть по сему» 10 июня 1909 г. (10 июня – день рождения Бориса и день нашей с ним свадьбы в 1950 году).

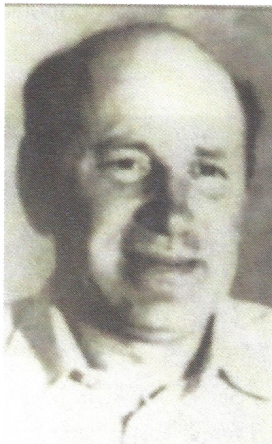
На 81-ой странице второго тома напечатан не очень удачный портрет моего мужа. Внизу надпись: Б.М. Булах, доктор физико-математических наук, профессор. И несколько строк:

«В 1962 г. докторскую диссертацию защитил ученик С.В. Фальковича Борис Михайлович Булах, который впервые построил решение задачи сверхзвукового обтекания круглого конуса под углом атаки, содержащее особенность Ферри, а теоретически предсказанные Б.М. Булахом системы ударных волн при обтекании стреловидных крыльев были в дальнейшем подтверждены экспериментально канадским исследователем С. Фауэллом.

В 1964 г. Б.М. Булах уехал в Ленинградский электротехнический институт связи».

С.В. Фалькович
Доктор физико-математических наук,
профессор

Б.М. Булах
Доктор физико-математических наук,
профессор

На международной конференции

**** Глава 8.**

Итак, столетний юбилей Саратовского университета, который мы окончили в 1951-м году, Борис – механико-математический факультет, я – физический...

Какое было счастливое время! Мы уже год, как женаты, мы молоды, вся жизнь впереди! Смотрю на свою свадебную фотографию, оказывается, что есть второй столетний юбилей (не поверите!) – моему платью, в котором я сфотографирована. Дело в том, что, когда я выходила замуж, мы с мамой были очень бедны. Это был 1950-й год, год новых сталинских репрессий, на этот раз под названием «космополитизм». Маму – О.А. Извекову, доцента кафедры математического анализа – уволили из университета.

Привожу выдержку из того же тома на стр.70:

«За 1950-51 учебный год от работы в университете были освобождены 14 человек, в основном по причине «политической неблагонадёжности», среди них бывший проректор Н.С. Фролов, заведующий кафедрой классических языков Б.Ю. Стаменов, директор НИИ химии доктор технических наук Р.Д. Оболенцев, доценты Г.Ф. Далецкий, О.А. Извекова».

Итак, мы без денег. Шить свадебное платье не на что. Мама предлагает своё свадебное платье, в котором она выходила замуж, когда ей было 18 лет в 1908 г. и которое она вывезла из блокадного Ленинграда в качестве реликвии.

Платью – пятый десяток лет! Наверное, мама выходила замуж зимой, платье с рукавами, из тончайшей шерсти, вышитое гладью (белая сирень на белом фоне). Я же выходила замуж в разгар саратовской жары, 10 июня! Нетрудно себе представить каково мне было в свадебном наряде! Но я дала слово себе, что через десять лет (когда будут деньги), я сошью себе свадебное платье!

И я слово сдержала. Это уже был 1960-ый год, появился нейлон, платье было из белого нейлона на лиловом чехле.

Но то шерстяное платье бережно хранится у меня до сей поры. Я специально сфотографировалась в нём сейчас, когда мне 80 лет, этой фотографией открывается моя четвёртая книга. Конечно, пришлось «малость» швы расставить...

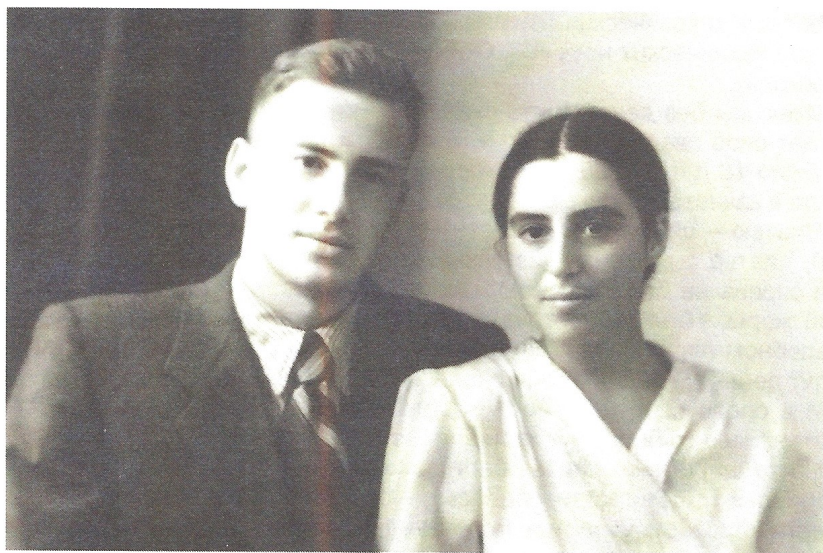
Итак, сразу два столетних юбилея! Саратовский университет и моё платье ровесники. Обоим по 100 лет!

Те, кто читали мои предыдущие книжки, наверное, помнят, как моя мама, Ольга Александровна, в своём «поздравлении» на нашей свадьбе сказала:

«Тут было много поздравлений и подарков, а я дарю 2000 рублей на развод». Сейчас я думаю: это были последние её деньги.

У всех, сидящих за свадебным столом «отвисла челюсть». Далее мама пояснила: «Вдруг у молодых жизнь не сложится, а чтобы разойтись, нужны деньги – и немалые (такой в то время был закон). Так пусть у них всегда будут деньги на развод».

Я этот эпизод описала в первой своей книге, мотивируя тем, что мама была не в восторге от моего замужества, теперь я думаю по-другому, осмысливая заново все прошедшее. «Мезальянс» в нашем браке скорее был со стороны Бориса. Кто мы с мамой? Бедны, как церковные крысы, мама уволена с работы, как «неблагонадёжная», я – дочь расстрелянного «врага народа». Всё это, вместе взятое, – хороший «подарок» родителям Бориса, нечего сказать! Поэтому, я думаю, она своим «подарком» хотела подарить мне какую-то степень свободы, если мне будет неуютно в партийной семье мужа. Но этого, к моему счастью, не случилось, я всегда ощущала заботу и ласку своей свекрови, хотя и знала, что не всё во мне ей нравилось...

10 июня 1950 г. День рождения Бориса и день нашей свадьбы

Мать Бориса, его сестра Надя, Борис.

Москва. После защиты докторской диссертации. 1962г.

ЭПИЛОГ

Я написала 4-ю, последнюю книгу. Вряд ли ещё что-нибудь напишу. Я не писательница, то, что сделала я, каждый способен сделать, так что заслуги особенной здесь нет. Мой труд нельзя даже назвать мемуарами, это звучало бы слишком громко. Мемуары пишут известные заслуженные люди, я к таким не отношусь.

Я просто бабушка, написавшая историю своей жизни по просьбе внука. Таким образом, для написания моих книг у меня был единственный материал – моя прожитая жизнь. Материал иссякает, жизнь приближается к естественному завершению. Я её описала с трёх до восьмидесяти моих лет включительно во всех четырёх книгах.

Я написала об отце, матери, детях, внуках почти всё, что о них знала, старалась это сделать честно и правдиво. Эта последняя книга в основном посвящена моему мужу Борису Михайловичу Булаху, отцу моих детей, деду моих внуков –человеку, с которым я прожила половину своей сознательной жизни.

Я его любила – этим всё сказано. То, что я до сих пор чувствую себя счастливой, то это тоже благодаря ему. Без него у меня не было бы прекрасных моих детей и я никогда не вернулась бы в свой родной город – «знакомый до слёз».

Какие же основные качества характера присущи ему? Думаю, что это доброта, любовь, честность, правдивость, преданность, порядочность, принципиальность, жизнелюбие. Ну, а способности, талантливость – это уже не его заслуга, это Бог дал...

Конечно, рано он ушёл из жизни, ему было всего 57 лет, но «не говори с тоской: их нет, а с благодарностью: были».

Итак, я заканчиваю последнюю свою книгу:

*«Ещё одно, последнее сказанье –
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный»
от внука мне, грешной.
Воистину Господь помог мне
«И книжному искусству вразумил»...*

Эти слова Пимена из драмы «Борис Годунов», как нельзя лучше подходят к концу моего повествования.

Действительно, не было бы настойчивых просьб моего внука Васи написать воспоминания о моей жизни – не увидели бы свет мои четы-

ре книги, в которых я пишу о себе, о своём времени и о спутниках на жизненном пути.

Для меня, во всяком случае, моя «летопись» оказалась интересной: «на старости я сызнава живу, минувшее проходит предо мною», как в цветном кинофильме, где главный герой – я.

Льщу себя надеждой, что моим читателям было тоже интересно.

И ещё. Я желаю всем иметь в своё время внуков, которые бы интересовались жизнью своих предков, ведь наши внуки несут в себе их гены.

КОНЕЦ

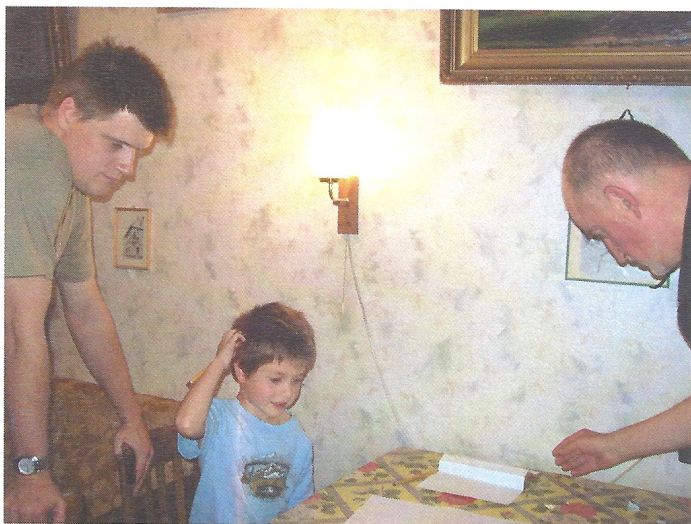

Постскриптум

Письмо-завещание моему правнуку Максиму Жулину

Дорогой Максим!

Сегодня, 4-е Мая 2010 г. В свой 81-й день рождения, решила написать тебе письмо, чтобы ещё раз поздравить тебя с твоим недавно прошедшим днём рождения. Обрати внимание, что в этой последней моей книжке опять напечатаны несколько картинок твоего дедушки Андрея. Ты, конечно, помнишь своего дедушку Андрея? На всякий случай посылаю тебе забавное фото, где ты играешь с ним в «Воздушный бой».

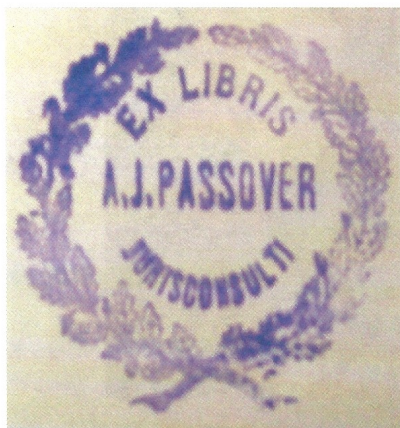

Итак, посмотри внимательно на первую цветную картинку. Здесь изображён чёрный дракон, охраняющий «сокровища мира».

А какие в мире есть сокровища, как ты думаешь? Да бесценные сокровища!!! Это и музыка, которую ты любишь, это и спорт: лыжи, плавание, гимнастика, теннис, которыми ты увлекаешься. Наверное, это и программирование, которому тебя учит твой папа, и многое другое, что доставляет нам удовольствие в жизни.

Так вот, я хочу подарить тебе одно из тех сокровищ, которые охраняет чёрный дракон. Это будет твоя личная библиотека из тридцати великолепно изданных книг самых лучших, самых известных в мире мастеров живописи.

Мы здесь, в Петербурге, с дедушкой Андреем заказали для тебя личную печать с твоим экслибрисом (экслибрис – это отпечаток ярлычка на внутренней стороне обложки с именем владельца книги). Сохранилась одна книга моего деда, Александра Яковлевича Пассовера, с его экслибрисом, и нам с дедушкой Андреем показалось интересным использовать орнамент экслибриса твоего знаменитого предка, известного в России и за её пределами. Шлём тебе фото обоих экслибрисов.

Экслибрис А.Я. Пассовера

Экслибрис М.А. Жулина

Но давай договоримся так:

На первой книге (№1) – это будет итальянский художник РАФАЭЛЬ – я сама поставлю твою печать на том месте, где полагается её ставить.

Кстати, на обложке - знаменитая «Сикстинская Мадонна», которая висит в Дрезденской галерее в Германии.

Обрати внимание, как она несёт своего ребёнка, чтобы отдать его людям. Когда ты подрастёшь и будешь знать историю, это всё будет тебе понятнее. А сейчас смотри картинку в своё удовольствие, и только потом, когда что-то уже узнаешь о самом художнике поподробнее (я говорю о последующих книгах, они все пронумерованы), только тогда ставь свою печать, которую тебе привезёт бабушка Катя. Первые 8 книг тебе передадут дедушка Илья и бабушка Наташа..

Это будет началом твоей личной библиотеки.
Я хочу, чтобы ты вырос всесторонне образованным человеком.

Максимка!

Может быть, эта библиотечка не даст тебе забыть твою прабабушку Тату, которая учила тебя раскладывать пасьянсы и играть в карты. Обнимаю и крепко тебя целую. А если ты мне напишешь русское письмецо, я буду просто счастлива.

Твоя Тата.

Мы с Максимкой

ФОТОГРАФИИ РАЗНЫХ ЛЕТ

(и комментарии к ним)

1. «Итальянка с кувшином» - картина французской художницы Revou-Reveau.

Антошка – «любопытный» мальчик – в своё время проделал в ней дырку чтобы узнать, что находится за ней. Эта картина памятна тем, что я во время своей второй беременности постоянно смотрела на неё, хотела, чтобы мой будущий ребёнок родился красивым...

Увы, ребёнок родился некрасивым (правда, потом выправился), но Андрей и я находим, что некоторыми чертами лица он похож на неё.

2. Картина Дубовского «Кисловодский пейзаж», простреленная оловянным солдатиком маленького Андрея. Недаром мой отец хотел при моём рождении, чтобы родилась девочка, а не мальчик: беспокоился за свои картины (и не зря!).

3. Я с газетой «Секретные материалы» №1 (283) за январь 2010 года.

На развернутых страницах 24 и 25:

ДЕЛО ВАЛЬЯНО

«Выдающийся русский адвокат Анатолий Фёдорович Кони охарактеризовал дело о злоупотреблениях в Таганрогской таможне как одно из самых обширных из разбиравшихся когда-либо в русских судах. По версии писателя С. Званцева петербургский адвокат А.Я. Пассовер сумел защитить грека Вальяно в столь блестящей и эффектной манере, что его защитительная речь стала непревзойдённым образцом судебного ораторского искусства.

Произносил прокурор свою обвинительную речь три часа. Защитительная речь Пассовера всего-то длилась около трёх минут, но, тем не менее, дело было выиграно».

Но не об этом я хотела сказать, мы всё это знаем, и книга писателя С. Званцева с рассказом «Дело Вальяно» у нас в доме есть. Обидным показалось то, что на двух больших газетных листах есть портрет грека Вальяно, есть портрет Анатолия Кони, есть портрет Федора Плевако, который принимал участие в защите более мелких персонажей по этому делу, есть даже портрет Антона Чехова, уроженца Таганрога, который не мог пройти мимо этого дела, упомянув о нём в трёх своих рассказах.

Но нет портрета главного персонажа этого дела, портрета А.Я. Пасовера, моего деда, фотографии которого, к сожалению, в нашей семье нет...

4. Картина Поленова с открыткой.

По самой открытке Андрей воспроизвёл картину, которую никогда не видел...

5. Борис и Катя – одно лицо.

Недаром, когда Катя была маленькая, малознакомые люди спрашивали

меня:

«Это дочь Вашего мужа от первого брака?»»

6. Семьи Костарёвых и Булахов.

Слева – направо, сверху – вниз:

Племянник Витя – сын Володи, сводный брат Алёша, Борис, племянник Алёша, сводный брат Володя, Катенька, Татьяна, моя мама Ольга Александровна, Зина – жена Володи, Евгения Степановна – няня моих детей, Анна Фёдоровна – мать Зины, Андрюша

7. Туристы, прилетевшие с Камчатки: я с Игорем Леонидовичем Каролем

8. Мои друзья: А.К. Данилова, И.Л. Кароль, Л.Д. Грибоедова, И.В. Жулин,
А.Л. Сазонов, Л.Е. Ляпина

9. Я на Невском.

Я иду по самой красивой улице самого красивого города мира в красивой шляпе, купленной во Франции в городе Гренобле, родине писателя Стендаля. Гренобль с глубокой древности славился производством шляп и перчаток, и я, навестив там Катю, которая там систематически работает по месяцу, а то и больше, в Физическом институте, не смогла не купить себе шляпу.

Так вот, я иду по Невскому, чтобы проверить в трёх книжных магазинах, а это «Книжная лавка – клуб писателей Литературного Фонда», Книжный салон Российской национальной библиотеки «Дом Крылова» и, наконец, Санкт-Петербургский Дом книги (напротив Казанского собора) – проверить, как продаются мои книги. Они продаются ещё на Петроградской стороне, на Австрийской площади, в Книжном магазине-клубе, где очень уютно и можно выпить кофе. Надо сказать, что книжки разошлись быстро, правда, тираж был небольшой.

Когда я получила последний гонорар, мне очень хотелось истратить его на что-нибудь особенное, чтобы это запомнилось. Как раз в это время французы привезли в Петербург в Михайловский оперный театр на три спектакля оперу «Иудейка». Это классическая французская опера, со дня её первой постановки прошло 175 лет. Она у нас до революции шла, только называлась «Жидовка».

Автор оперы – Жак Франсуа Фроманталь Эли Галеви. Билеты были очень дорогие, но я всё-таки решилась и взяла самый дешёвый билет за 1000 рублей на галёрку. Опера мне очень понравилась, голоса были прекрасные.

10. Надя – сестра Бориса, Катя и Андрей.

11. Антон с моими книгами.

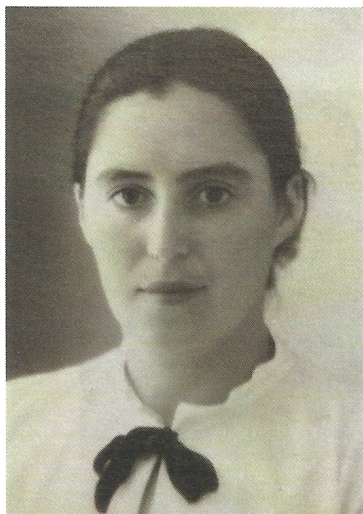

Итак...

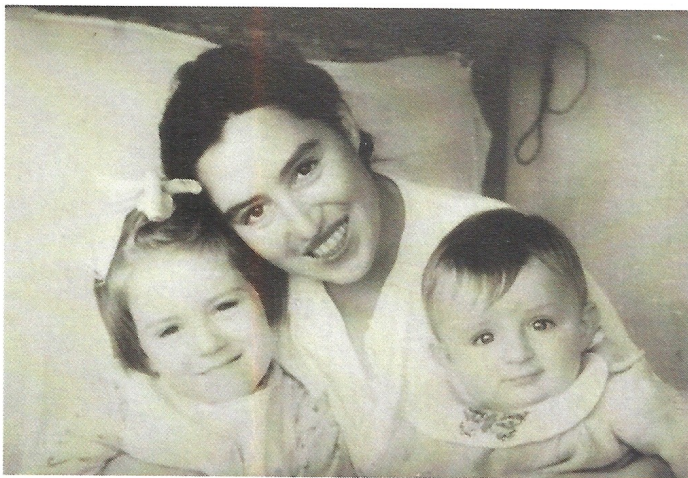
12. Детство. Я с отцом, Борисом Ивановичем Извековым.

13. Наша молодость...

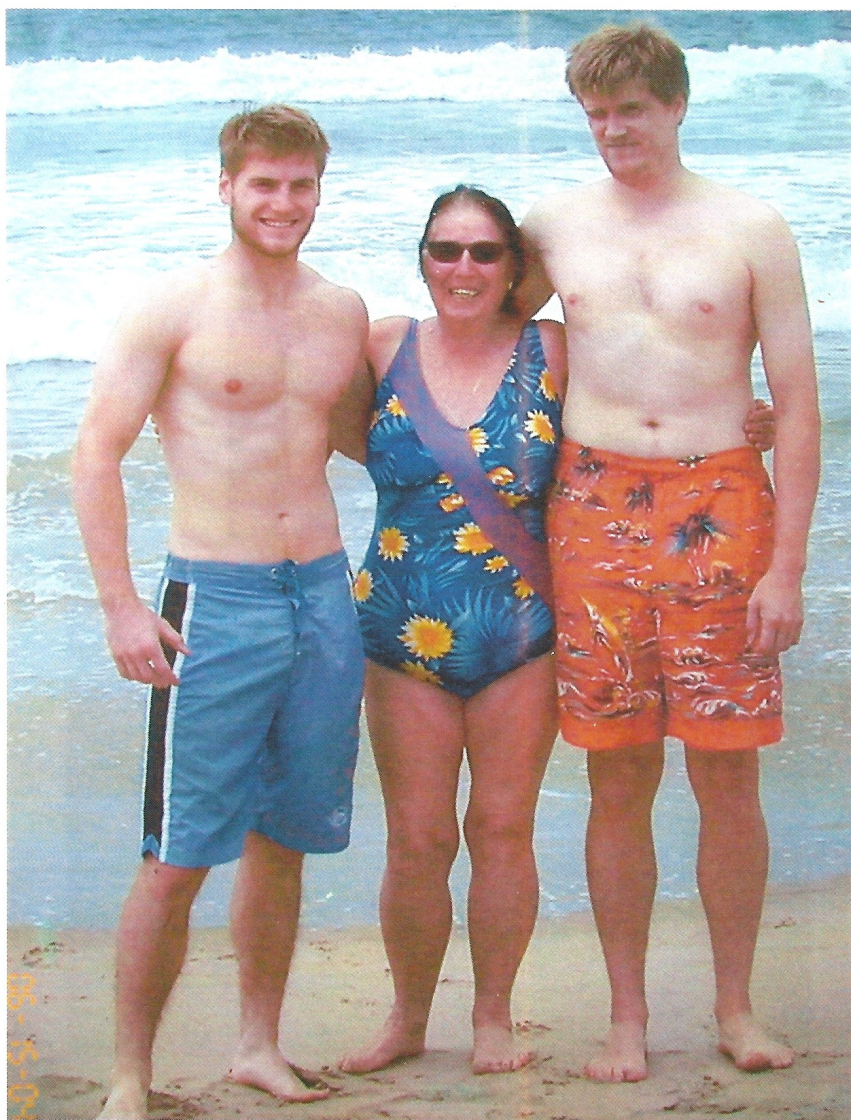
14. Маленькие дети.

15. Взрослые дети.

16. Мои красавцы внуки Вася и Антон на Тихом океане.

17. Я и дочь...

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1 «Мой юбилей»	3
Глава 2 «Картины А.Б. Булаха и комментарии к ним»	12
Глава 3 «Кое-что о муже...»	21
Глава 4 «Стихи»	25
Глава 5 «Воспоминания А.Б. Булаха»	53
Глава 6 «Воспоминания Г.И. Булаха»	83
Глава 7 «Воспоминания сотрудников»	91
Глава 8 «Итак, 100-летний юбилей Саратовского университета»	95
Эпилог	98
Постскриптум	100
Фотографии разных лет	104